

ISSN 2218-7405 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Основан в 2009 г.
Том 9, № 2, 2018

Главный редактор – **В.Н. Абросимов**
Зам. главного редактора – **Т.А. Магсумов, П.А. Кисляков**
Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**
Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**
Корректор – **Зливко С.Д.**
Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**
Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF EDUCATION AND PSYCHOLOGY

Founded in 2009
Volume 9, Number 2, 2018

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**
Deputy Editors – **T.A. Magsumov, P.A. Kislyakov**
Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**
Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**
Language Editor – **S.D. Zlivko**
Design and Layout – **R.V. Orlov**
Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2018
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2018
Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 9, № 2, 2018, 150 с.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-39175 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2218-7405).

Журнал выходит ежемесячно

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,242.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://ej.soc-journal.ru/>

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Russian Journal of Education and Psychology, Volume 9, Number 2, 2018, 150 p.

The edition is registered (certificate of registry EL № FS 77-39175) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2218-7405).

The journal is published monthly

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,242.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://ej.soc-journal.ru/>

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2018

Члены редакционной коллегии

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО Нижегородская ГСХА (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация);

Шмелева Елена Александровна – доктор психологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Шуйский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Ивановский государственный университет" (Шуя, Российская Федерация);

Ивишина Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, директор Научно-технической библиотеки КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева (Казань, Российская Федерация);

Аминов Тахир Мажитович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Российская Федерация);

Ибрагимов Гасангусейн Ибрагимович – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАН, профессор кафедры инженерной педагогики и психологии Центра переподготовки и повышения квалификации преподавателей вузов, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (Казань, Российская Федерация);

Каменский Алексей Михайлович – доктор педагогических наук, доцент, директор ГБОУ лицея №590 Красносельского района Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Чернявская Валентина Станиславовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса" (Владивосток, Российская Федерация);

Волкова Марина Владиславовна – доктор педагогических наук, директор ЧУ "НИИ Педагогики и Психологии" (Чебоксары, Российская Федерация);

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Фролов Илья Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (Липецк, Российская Федерация);

Денисенко Фелицата Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик ФГБОУ ВО "Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева" (Красноярск, Российская Федерация);

Бобкова Елена Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики и менеджмента, Самарский филиал Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Самара, Российская Федерация);

Трушников Денис Юрьевич – кандидат педагогических наук, зам. по УМР, Государственное автономное общеобразовательное учреждение Тюменской области «Физико-математическая школа» (Тюмень, Российская Федерация);

Наумов Петр Юрьевич – кандидат педагогических наук, помощник начальника отделения правовой работы ФГКУЗ "Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации" (Балашиха, Московская обл., Российская Федерация);

Финогенова Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики Института педагогики, психологии и социологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация);

Дьячков Алексей Анатольевич – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и прикладной психологии, Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» (Москва, Российская Федерация).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

PSYCHOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-2-5-18

UDC 159.9.072.432

DEVELOPING POSITIVE IMAGE OF HEALTHCARE PROFESSIONALS IN THE U.S. SOCIAL MEDIA DISCOURSE

*Zhdanova S. Yu., Polyakova S. V., Pecherkina A. V.,
Puzureva L. O.*

One of the key indicators of the qualitative assessment of the health-care system is the integral indicator of the level of population satisfaction with the medical services provided. Satisfaction with medical assistance is a result of the ratio of patient expectations and received medical care, depending on a number of subjective sensations and objective factors. The article considers the representation of doctor (physicians), pharmacists (druggists) and other healthcare professionals in the American FB groups and other social media networks.

***Aim.** The purpose of this work is to study the representation of doctor (physicians), pharmacists (druggists) and other healthcare professionals in the American Facebook groups and other social media networks. It analyzes the main techniques of developing positive images and perceptions of the medical workers on the example of the American Medical Association Facebook community*

***Methodology and research methods.** Methods of systematic search, comparative analysis and cognitive-discursive analysis of the most frequently categories in the image of a medical worker are presented in the*

texts has been implemented in the study. Coefficient of φ -angular Fisher transform, correlation coefficient φ , and cluster analysis were included in the group of analyzing methods.

Results and Scientific novelty. *It is revealed that the main components of the healthcare professional's image in most related special AMA sites are the successful sustainability of doctor-patient relations and the team-building model, the best value-based care and the transforming doctor's practice via special training and educational programs offered by the AMA.*

Keywords: *healthcare professional's image; patient; special Facebook group; social media discourse; American Medical Association; e-health.*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА СПЕЦИАЛИСТА СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ США

*Жданова С.Ю., Полякова С.В., Печеркина А.В.,
Пузырёва Л.О.*

Одним из ключевых показателей эффективности системы здравоохранения является уровень удовлетворенности населения качеством предоставляемых медицинских услуг. Данный показатель является результатом соотношения ожиданий пациентов и субъективной оценки оказанной медицинской помощи. В настоящей статье рассматривается образ врачей, фармацевтов и других медицинских работников в американских группах в Facebook и других социальных сетях.

Целью данной работы является изучение репрезентации образа врачей, фармацевтов и других специалистов в области здравоохранения в социальных сетях. Анализируются основные методы разработки позитивных образов и восприятия медицинских работников на примере сообщества Американской медицинской ассоциации в Facebook.

Методология и методики исследования. В исследовании использованы методы систематического поиска, сравнительного анализа и когнитивно-дискурсивный анализ для определения того, какие категории в репрезентации образа медицинского и фармацевтического работника представлены в текстах. Коэффициент Ф-углового преобразования Фишера, коэффициент корреляции ϕ и кластерный анализ были включены в группу методов статистической обработки.

Результаты и научная новизна. В результатах исследования было показано, что основными компонентами образа профессионала здравоохранения на большинстве связанных с ним специальных сайтов американской медицинской ассоциации являются успешная устойчивость отношений между врачом и пациентом, модель формирования команды, ценностная опора в уходе за пациентами и практика непрерывного повышения квалификации врача посредством специальной подготовки и обучения на программах, предлагаемых американской медицинской ассоциацией.

Ключевые слова: образ работника здравоохранения; пациент; специальная группа; Facebook; социальный медийный дискурс; Американская медицинская ассоциация; электронное здравоохранение.

Introduction

The issue of the image of healthcare professionals (HPCs) (doctors, physicians, paramedics, druggists and other healthcare specialists) is one of the most dynamic research areas in the field of social media health discourse from the point of view of psycholinguistics, psychology, sociology, cognitive linguistics and the Internet communication. Today social media discourse comprises various contemporary forms: social networking (Facebook, MySpace, Google Plus, Twitter), Professional networking (LinkedIn), Media sharing (YouTube, Flickr), Content production (blogs [Tumblr, Blogger] and microblogs [Twitter]), Knowledge/information aggregation (Wikipedia), Virtual reality and gaming environments (Second Life) and others [15].

Due to these growing healthcare Internet resources, the interaction of medical workers and patients and other participants is rapidly expand-

ing. Many social media tools are available for healthcare professionals, including social networking platforms, blogs, microblogs, wikis, media-sharing sites, and virtual reality and gaming environments [9], [2], [13]. These tools can be used to improve or enhance professional networking and education, organizational promotion, patient care, patient education, and public health programs.

On the other hand, there is currently a lack of qualitative information about the uses, benefits, and limitations of social media for health communication among the public, patients, and health professionals in the Russian social media healthcare discourse. The analysis of the best practices of creating and developing positive images of medical workers in the US social media could be a valuable source for healthcare professional practices and educational sphere in Russia.

The aim of our research is to reveal the specifics of the doctor's image and analyze the American Medical Association Facebook platform as the tool for developing a positive image of the healthcare practitioners in the US. In order to achieve the aim, we review the current published literature to identify the uses and benefits of social media for health communication for general public, patients, and health professionals, and try to identify current most advanced models to provide recommendations for creating a trustworthy health communication research.

Literature Review

The Facebook belongs to one of the forms of social media. The definition of «social media» itself is broad and constantly evolving. The term generally refers to Internet-based tools that allow individuals and communities to gather and communicate; to share information, ideas, personal messages, images, and other content; and, in some cases, to collaborate with other users in real time. Social media are also referred to as «Web 2.0» or «social networking» [15].

Due to the growing healthcare Internet resources, the interaction of medical workers and patients and other participants is rapidly expanding. «Social media provide HCPs with tools to share information, to debate healthcare policy and practice issues, to promote health behaviors, to

engage with the public, and to educate and interact with patients, caregivers, students, and colleagues” [15].

It is quite evident that healthcare professionals can use social media to potentially improve health outcomes, develop a professional network, increase personal awareness of news and discoveries, motivate patients, and provide health information to the community [9]. At the same time, the goal of e-health is to change the individual and public attitudes towards health and disease through the use of the Internet in the health education of the population [2], [13].

In the Internet environment, there is a complex multilateral communication of specialists and consumers (patients). On the one hand, the Internet makes it possible to involve forum participants in discussing a wide range of problems in health and medicine and inform them about medical services. One of the burning issues is how social media can be used as a medical quality improvement tool [7], [12], [6].

The medical Internet environment also performs an educational function aimed at training both specialists from the medical field and not specialists. Moreover, there is a rapid increase in the number of social groups in the most popular social networks VKontakte (VK) (mostly covering Russia) and Facebook (mostly international), related to Internet medicine and healthcare [3].

Materials and Methods

The materials of the study are the American Facebook groups related to healthcare, namely the names and descriptions of American-speaking communities in which the words *doctor*, *pharmacist*, *druggist*, *medical*, *healthcare practitioner*, *clinicians* are present. We identified 280 groups, ranging from 15–40 to 60–70000 participants. The number of participants in these groups is growing daily. As a rule, the word *medical* is used more often in the titles of the communities (87) than other mentioned ones (*healthcare practitioner*, *clinicians*), for example: the American Veterinary *Medical* Association, the American *Medical* Dental Assistants Association, the American *Medical* Student Association and others.

The group of the American Medical Association (AMA) was of particular interest to us since it has a diversity of links, subsites and pages covering the three major trends: *collaborating to improve healthcare* that helps people live longer, healthier lives, *accelerating change in medical education* with visionary partners and bold innovations, *working with physicians* to advance initiatives that enhance practice efficiency, professional satisfaction and the delivery of care [12]. The American Medical Association has been a Facebook Group, created in 1995, is currently the largest FB community, numbering over 500 thousand participants.

The range of texts (146), published between November 2016 and December 2017 under the AMA headings *Patient Safety and Quality* and *Education* as well as *Reinventing Medical Practice* were analyzed. We applied systematic search, comparative analysis and cognitive-discursive analysis of the given discourse to identify how the most frequently categories in the image of a medical worker (healthcare professional) are presented in the texts.

We also considered The AMA's websites StepForward (www.steps-forward.org) and Transforming Clinical Practices Initiative (www.innovation.cms.gov/initiatives/Transforming-Clinical-Practices). STEPS Forward is the subsite which offers free online modules that help physicians and system leaders improve patient care, including learning about daily huddles, redesigning patient registration and listening with empathy.

The second subsite covers several modules that have been developed from the grant funding of the U.S. Federal Transforming Clinical Practices Initiative (TCPI). It is an effort designed to help clinicians achieve large-scale health transformation through TCPI's Practice Transformation Networks. The AMA, in collaboration with TCPI, is providing technical assistance and peer-level support by way of STEPS Forward resources to enrolled practices.

Results и Discussion

The most frequent categories we found in the texts are as follows: *Efficient Communication with Patient*, *Value-Based Care*, *Team-Based*

Approach, Sustainable Change Initiatives, Redesigning Practice, Health-Care Education and others.

The analysis of the first category *Efficient Communication with Patient* demonstrates shaping positive attitudes towards doctors and patients.

Let us consider some examples from the categories. We found out that one of the key concepts in this group is the word *empathy*: show empathy, listen to your patients with empathy, establish empathic relations, practice empathy, etc. In the most recent articles in the first heading *Patient Safety and Quality* the author suggests using daily huddles, redesigning patient registration and listening to patient concerns with empathy [8].

This article recommends reading this year's top five AMA Wire stories on the ways physicians, clinics and hospitals can improve communication in practice.

In particular, they refer to the story "*When acrimony arises with patients, listen with empathy*" [5]. An internist gets an email from the patient's wife, who is deeply frustrated and complains that the practice's off-hours care is "lousy". To respond, the physician requested a face-to-face meeting and made use of empathetic-listening skills to defuse the tense situation [5].

Another example of the emphasis on empathic listening is the article *5 ways to recognize patient cues, understand needs* by Troy Parks in the heading *Practice Management*, "When physicians show true empathy while listening to their patients in the exam room, patients and their families are often more satisfied and more open to adopting their advice – and it builds a much stronger patient-physician relationship. Though it seems simple, empathetic listening requires understanding how to recognize the cues that patients offer. Practicing empathy can save time and help physicians navigate difficult situations that arise in practice. It can also forge deeper connections with patients that lead to greater professional satisfaction and joy in work for physicians" [11].

In the given context we identify one more important concept of *joy in the work for physicians* which we would consider under the category *Redesigning Practice*. It is essential that the article immediately refer the reader to the educational professional Module *Listening with Em-*

pathy on the StepForward website where they get some psychological advice as in the following example, “Use subtle cues to convey that you are listening intently and honor the first “golden moments”. Use body language to show that you are listening. Start by sitting nearby and facing the speaker. Lean toward them and make eye contact. Make sure your arms are not crossed as this can signal to the speaker that you are closed off and not really listening. Periodically echo or summarize to further demonstrate that you heard what the patient had to say” [14].

In this connection, we would consider one example from the category *Redesign Practice*. The StepForward offers 50 Models, developed by leading healthcare practitioners. One of them is titled *Preventing Physician Burnout*, being devoted to “improving patient satisfaction, quality outcomes and provider recruitment and retention”. The introduction section recommends how to reduce the burnout effect in physicians, “Burnout is a long-term stress reaction characterized by depersonalization, including cynical or negative attitudes toward patients, emotional exhaustion, a feeling of decreased personal achievement and a lack of empathy for patients. By measuring and responding to burnout you will be able to: Reduce sources of stress, intervene with programs and policies that support professional well-being, Prevent burnout” [10].

It is worth mentioning that largest number of the StepForward Modules is dedicated to the tools improving communication with patients (16 Modules under the heading *Patient Care*). Thus, all the components of the large and complex media network of the AMA are aimed at developing a positive and high quality of image of a physician.

Conclusion

The results from this study show that developing positive images and perceptions of the healthcare professionals in themselves as well as others does change the quality of communication among the American professionals and the patients.

It appears that information from the sources including the American Medical Association (AMA) Facebook and the related sites and pages does form the positive components of the image of a doctor. Official initiatives

such as *Patient Safety and Quality* and *Practice Management and Education* or *Reinventing Medical Practice* seem to provide some additional information to both practitioners and patients. It is possible that after the modules are incorporated and the patients have an opportunity to assess the success of the team-building process, the results will be essential for all the parties.

Also, the results of this study could be used to provide a well-thought-out tool for creating and promoting a positive image and perception of healthcare practitioners in Russia, in Perm Krai in particular. It appears that the social media like the AMA Facebook does contribute to the medics' image improvement process while it disseminates information among thousands of FB users and active members of the specialized groups not only in the USA but worldwide. However, it does not appear that a Russian analogue of the AMA Facebook would attract many Russian HCPs and patients at first, since there is not much trust in the changing healthcare system in our country at the moment. If the medicine-related government officials at all levels provide a more complete framework within which they contribute to developing special media educational medical sites for both medical workers (practitioners) and patients in the future, the image of the doctor will improve considerably.

Публикация подготовлена при поддержке гранта № 16-16-59009 «а(р)».

References

1. Zhdanova S. Yu., Zaripova L. Z., Puzyreva L. O., Pecherкина A. V., Polyakova S. V. Osobennosti vospriyatija obraza medicinskogo i farmacevтического работника v svjazi so specifikoj poluchaemogo bazovogo obrazovanija [Peculiarities of perception of the image of a medical and pharmaceutics worker in connection with the specificity of the basic education received]. *Novshestva v oblasti pedagogiki i psihologii: sbornik nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Innovations in the field of pedagogy and psychology: a collection of scientific papers on the results of an international scientific and practical conference]. 2016, pp. 64–67.

2. Pavlenko E.V. Kiberprostranstvo mediciny: Internet kak vrag i sojuznik vracha i pacienta [Cyberspace of Medicine: The Internet as an enemy and ally of a doctor and patient]. *Sociologiya mediciny*. No 1 (22), 2013, pp. 42–47.
3. Polyakova S.V., Mishlanova S.L., Zhdanova S.Yu. Obraz vracha v special'nyh gruppah seti «Fejsbuk» [Image of the doctor in special Facebook groups]. *Aprobacija*, No 12 (51), Makhachkala, 2016, pp. 172–174.
4. American Medical Association. Official group of AMA at Facebook. <https://www.facebook.com/search/str/american+medical+association+%28ama%29/links-keyword/articles-links>. (accessed December 17, 2017).
5. Berg S. Improve communication, save time in practice with these methods. *AMA Wire*. <https://wire.ama-assn.org/practice-management/when-acrimony-arises-patients-listen-empathy> (accessed December 15, 2017).
6. Chauhan B., George R., Coffin J. Social media and you: what every physician needs to know. *Journal of Medical Practice Management*. 2012; 28 (3): 206–209.
7. Grindrod K., Forgione A., Tsuyui R.T., et al. Pharmacy 2.0: a scoping review of social media use in pharmacy. *Research in Social and Administrative Pharmacy*. 2014;10 (1): 256–270.
8. Henry T.A. When acrimony arises with patients, listen with empathy *AMA Wire*. <https://wire.ama-assn.org/practice-management/improve-communication-save-time-practice-these-methods> (accessed December 15, 2017).
9. Lagu T., Goff S.L., Craft B., Calcasola S., Benjamin E.M., Priya A., Lindenauer P.K. Can social media be used as a hospital quality improvement tool? *Journal of Hospital Medicine*. 2016 Jan; 11(1): 52–5.
10. Linzer M., Guzman-Corrales L., Poplau S. Preventing physical burnout <https://www.stepsforward.org/modules/physician-burnout> (accessed December 15, 2017).
11. Parks T. 5 ways to recognize patient cues, understand needs. *AMA Wire*. <https://wire.ama-assn.org/practice-management/5-ways-recognize-patient-cues-understand-needs> (accessed December 12, 2017).
12. Peck J.L. Social media in nursing education: responsible integration for meaningful use. *Journal of Nursing Education*. 2014; 53(3): 164-169. doi: 10.3928/01484834-20140219-03.
13. Sass H.M. E-health, health promotion and wellness communities in cyberspace. *Eubios Journal of Asian and International Bioethics*. 2004; 14: 170–174.

14. Tayal S.C., Michelson K., Tayal N.H. Listening with empathy. American Medical Association. <https://www.stepsforward.org/modules/empathetic-listening> (accessed December 12, 2017).
15. Ventola C.L. Social Media and Health Care Professionals: Benefits, Risks, and Best Practices. *Pharmacy and Therapeutics*. 2014 Jul; 39(7): 491–499, 520.

Список литературы

1. Жданова С.Ю., Зарипова Л.З., Пузырева Л.О., Печеркина А.В., Полякова С.В. Особенности восприятия образа медицинского и фармацевтического работника в связи со спецификой получаемого базового образования // Новшества в области педагогики и психологии: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Федеральный центр науки и образования «Эвенсис». 2016. С. 64–67.
2. Павленко Е.В. Киберпространство медицины: Интернет как враг и союзник врача и пациента // Социология медицины №1 (22). 2013. С. 42–47.
3. Полякова С.В., Мишланова С.Л., Жданова С.Ю. Образ врача в специальных группах сети «Фейсбук» // Апробация. № 12 (51). Махачкала. 2016. С. 172–174.
4. American Medical Association: Официальная группа Американской медицинской ассоциации в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/search/str/american+medical+association+%28ama%29/links-keyword/articles-links> (дата обращения: 17.12.2017).
5. Berg S. Improve communication, save time in practice with these methods // AMA Wire. США, 2017. URL: <https://wire.ama-assn.org/practice-management/when-acrimony-arises-patients-listen-empathy> (дата обращения: 15.12.2017).
6. Chauhan B., George R., Coffin J. Social media and you: what every physician needs to know // Journal of Medical Practice Management. 2012; 28 (3): 206–209.
7. Grindrod K., Forgione A., Tsuyui R.T., et al. Pharmacy 2.0: a scoping review of social media use in pharmacy // Research in Social and Administrative Pharmacy. 2014;10 (1): 256–270.

8. Henry T.A. When acrimony arises with patients, listen with empathy AMA Wire. США, 2017. URL: <https://wire.ama-assn.org/practice-management/improve-communication-save-time-practice-these-methods> (дата обращения: 15.12.2017).
9. Lagu T., Goff S.L., Craft B., Calcasola S., Benjamin E.M., Lindenauer P.K. Can social media be used as a hospital quality improvement tool? // J Hosp Med. 2016 Jan; 11(1): 52-5.
10. Linzer M., Guzman-Corrales L., Poplau S. Preventing physical burnout American Medical Association. URL: <https://www.steps-forward.org/modules/physician-burnout> (дата обращения: 17.12.2017).
11. Parks T. 5 ways to recognize patient cues, understand needs // AMA Wire. США, 2017. URL: <https://wire.ama-assn.org/practice-management/5-ways-recognize-patient-cues-understand-needs> (дата обращения: 12.12.2017).
12. Peck J.L. Social media in nursing education: responsible integration for meaningful use // Journal of Nursing Education. 2014; 53(3): 164–169. doi: 10.3928/01484834-20140219-03.
13. Sass H.M. E-health, health promotion and wellness communities in cyberspace. Eubios Journal of Asian and International Bioethics. 2004; 14: 170–174.
14. Tayal S.C., Michelson K., Tayal N.H. Listening with empathy // American Medical Association. URL: <https://www.stepsforward.org/modules/empathetic-listening> (дата обращения: 12.12.2017).
15. Ventola C.L. Social Media and Health Care Professionals: Benefits, Risks, and Best Practices // Pharmacy and Therapeutics. 2014 Jul; 39(7): 491–499, 520.

DATA ABOUT THE AUTHORS

Zhdanova Svetlana Yurievna, Head of the Department of Developmental Psychology Doctor of Psychology, Professor
Perm State National Research University
15, Bukireva Str., Perm, Perm krai, 614990, Russian Federation
svetlanaur@gmail.com

Polyakova Svetlana Valentinovna, Associate Professor of the English Language and Intercultural Communication Department, Candidate of Philology
Perm State National Research University
15, Bukireva Str., Perm, Perm krai, 614990, Russian Federation
polsvetlana@yandex.ru

Pecherkina Anna Victorovna, Assistant of the Department of Development Psychology Postgraduate student
Perm State National Research University
15, Bukireva Str., Perm, Perm krai, 614990, Russian Federation
pecherkina.a@gmail.com

Puzureva Liubava Olegovna, Senior Lecturer at the Department of Development Psychology
Perm State National Research University
15, Bukireva Str., Perm, Perm krai, 614990, Russian Federation
puzireva.l@gmail.com

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Жданова Светлана Юрьевна, заведующая кафедрой психологии развития доктор психологических наук, доцент
Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, 15, г. Пермь, Пермский край, 614990, Российская Федерация
svetlanaur@gmail.com

Полякова Светлана Валентиновна, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, 15, г. Пермь, Пермский край, 614990, Российская Федерация
polsvetlana@yandex.ru

Печеркина Анна Викторовна ассистент кафедры психологии развития, аспирант

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ул. Букирева, 15, г. Пермь, Пермский край, 614990, Российская Федерация

pecherkina.a@gmail.com

Пузырёва Любава Олеговна, старший преподаватель кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ул. Букирева, 15, г. Пермь, Пермский край, 614990, Российская Федерация

puzireva.l@gmail.com

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-2-19-36

УДК 1 (159.9)

ОСОБЕННОСТИ СУПРУЖЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЬЯХ

Валиуллина Г.Г., Тимашева Л.В.

Цель. Статья посвящена теме конфликтов между супругами разной национальности, что является актуальным в условиях роста числа межнациональных семей в современном обществе. Предметом исследования являются причины супружеских конфликтов и особенности взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях. Авторы ставят целью сделать сравнительный анализ ролевой структуры семьи и характера взаимодействия супругов в конфликтах в мононациональных и межнациональных семьях.

Метод или методология работы. Исследование проводилось с использованием метода анкетирования, диагностических методик «Взаимодействие супругов в конфликтных ситуациях» и «Распределение ролей в семье» Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской. Достоверность и надёжность результатов определялась с помощью *t*-критерия Стьюдента.

Результаты. Выявлено, что уровень конфликтности в межнациональных семьях выше, чем в мононациональных семьях. Конфликты между супругами разной национальности чаще происходят в семьях, где супруги слабо информированы о национальных особенностях друг друга, редко стараются договориться мирно при возникновении разногласий. Конфликты возникают в ситуациях, связанных с родственниками и друзьями, по вопросам воспитания детей, проявления автономии, рассогласования норм поведения, ревности и отношении к деньгам. В межнациональных семьях чаще возникают разногласия между супругами в распределении ответственности за эмоциональный климат в семье, организации семейной субкультуры и роли «хозяин/хозяйка». Супруги разной национальности

чаще проявляют негативные реакции в конфликтах, в отличие от супругов одной национальности. Мужья эмоционально реагируют более активно, чем жены.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в психологической практике управления конфликтами в межнациональных семьях.

Ключевые слова: межнациональная семья; мононациональная семья; семейная роль; национальные особенности; семейная субкультура; супружеские конфликты.

PECULIARITIES OF SPOUSE CONFLICTS IN CROSS-ETHNIC FAMILIES

Valiullina G.G., Timasheva L.V.

Purpose. The article deals with the problem of conflicts between spouses belonging to different ethnic groups which is actual as the number of such families is growing today. The objective of the current research is to study the reasons of spouse conflicts and the peculiarities of spouse interaction in conflict. The authors aimed at analyzing the role structure of the family and the character of interaction of spouses in mono-ethnic and cross-ethnic families.

Methods of research. The research was conducted with the use of the method of questioning, diagnostic techniques “Spouse Interaction in Conflict” and “Distribution of Roles in Families” by Y.E. Alyoshina, L.Y. Gozman, E.M. Dubovskaya. The validity and reliability of the results were determined by Student *t*-test number.

Results. It was found out that the level of proneness to conflict in cross-ethnic families is higher than in mono-ethnic ones. Conflicts between spouses of different ethnic groups occur more frequently in the families where spouses are not well-aware of ethnic peculiarities of each other and rarely try to negotiate in conflict situation. Conflicts occur in situations connected with relatives and friends, children’s up-bringing, autonomy, mismatching norms of behavior, jealousy, and attitude to

money. In cross-ethnic families disagreement between spouses more often occur in distributing responsibilities for the emotional climate in the family, organizing family subculture and roles “host/hostess”. Spouses of different ethnic groups show negative reactions in conflict more often than those belonging to the same group. Husbands’ emotional reaction is more active than wives’ one.

Sphere of implementation of the results. *The Results can be implemented in the practice of conflict management in cross-ethnic families.*

Keywords: *cross-ethnic family; mono-ethnic family; family role; ethnic peculiarities; family subculture; spouse conflicts.*

Введение

Межнациональные браки являются объектом повышенного интереса социальных наук. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, в современном мире остро стоит вопрос межэтнической напряженности и межнациональных конфликтов. Во-вторых, в последние годы наблюдается повышение интереса россиян к межнациональным бракам, увеличивается количество межнациональных семей. По некоторым данным, в них проживает примерно четверть населения РФ [3]. По мнению западных исследователей, рост количества этнически смешанных браков и, соответственно, межнациональных семей в современном обществе является одним из результатов произошедших перемен не только в отдельных странах, но и в мире в целом [13, 16].

Проблема конфликта всегда актуальна для любой семьи. На протяжении всей жизни семья регулярно сталкивается с самыми различными трудностями и неблагоприятными условиями – как внешними, так и внутренними. В такой системе интенсивного взаимодействия не могут не возникать конфликты и кризисы семейных отношений.

Особое место среди семейных конфликтов занимают супружеские конфликты. Именно супружеские отношения в научных исследованиях зачастую рассматриваются как наиболее конфликтоопасная область из всех возможных сфер жизнедеятельности людей [14, 15]. Поскольку гармоничный супружеский союз является основой для

крепкой и счастливой семейной жизни, то и управление супружескими конфликтами является важным условием построения конструктивных взаимоотношений внутри семьи.

Обзор литературы

Проблеме взаимоотношений между людьми разной национальности посвящены многие исследования, в которых межнациональная семья рассматривается как важнейший этнопсихологический и кросс-культурный аспект общественных отношений.

В психологии существуют различные взгляды на природу супружеских конфликтов и их социальную роль. В условиях глобализации и укрепления межкультурных связей вопрос межэтнической напряженности и межнациональных конфликтов приобретает всё большее значение. Поэтому многие исследователи сходятся во мнении о том, что семья является важным условием гражданского мира и стабильности в обществе [10, 17].

М.В. Вдовина, З.Л. Сизоненко, В.Ц. Худавердян предлагают рассматривать этнически смешанные семьи в качестве индикатора межнациональных отношений в обществе. Они утверждают, что межнациональные семьи могут выступать как стабилизатором, так и дестабилизатором межэтнических отношений [7, 11].

Изучением семьи как малой социальной группы занимались Т.В. Андреева, Ю.Е. Алешина, А.И. Антонов, С.И. Голод, Л.В. Карцева и др. В работах Ю.Е. Алешиной, К. Витек, Л.Я. Гозман, В.А. Сысенко и др. рассматриваются вопросы взаимоотношений между супругами, причины супружеских конфликтов и способы их преодоления [1].

Л.А. Хачатрян и А.А. Чадова рассматривают межнациональный брак как микросреду, в которой переплетаются различные этносоциальные интересы, которые могут перерасти в столкновение национальных культур и закончиться серьезным конфликтом в семье. Авторы выделяют основные стратегии внутрисемейного взаимодействия: отказ от обеих идентичностей, мирное сосуществование идентичностей, стремление переделать друг друга, подавление одной идентичности другой [10, с. 133].

Психологические составляющие внутрисемейных отношений в межнациональных семьях исследовались Д.С. Батарчуком. В его представлении межнациональная семья – это объединение совместно проживающих лиц разных национальностей, связанных взаимными правами и обязанностями. Конфликты, появляющиеся в семейной жизни на национальной почве, часто обусловлены психологическими проблемами, возникающими у супругов на фоне столкновения двух самобытных культур. Именно различиями в ценностных ориентациях супругов объясняется повышенная конфликтность в этнически смешанных семьях [2]. Важная роль в межнациональном браке также отводится знанию обычаев, традиций и норм семейных отношений [4, 5]. Этнические особенности супругов влияют на стратегию и тактику поведения в конфликтах [9, 12]. По мнению Н.И. Медведева и А.Г. Сардарян наиболее эффективной в семейном конфликте является стратегия компромисса, благодаря которой конфликт можно решить конструктивно [6]. Достаточно активно разрабатываются методы целенаправленной психологической помощи супругам разной национальности в конфликтных ситуациях [8].

Постановка задачи

Несмотря на увеличивающееся количество исследований различных аспектов этнически смешанных браков, работ, позволяющих выделить особенности построения взаимоотношений при возникновении конфликтов в таких семьях недостаточно. Цель нашего исследования состояла в сравнении ролевой структуры и особенностей взаимодействия супругов в конфликтах в мононациональных и межнациональных семьях.

Описание исследования

Выборка представлена мононациональными семьями (20 пар) и межнациональными (20 пар) семьями. Для получения информации о возможных причинах супружеских конфликтов использовался метод анкетирования, в ходе которого сравнивались ответы супругов,

в семьях которых конфликты происходят часто (группа КЧ) с ответами редко конфликтующих супругов (группа КР).

При анализе ответов на исследовательский вопрос «Хорошо ли информированы супруги о национальных особенностях друг друга?» было установлено, что 50% супругов в группе КЧ плохо информированы, а 19% – не знают национальных особенностей партнёра. В группе КР – 22% также плохо информированы об этом. На вопрос, «Какие национальные особенности супруга/супруги вам нравятся?» дали ответы 25% респондентов в группе КЧ и 42% – в группе КР. Были названы такие особенности: послушность, уважение старших, щедрость, мужественность. 50% респондентов группы КЧ и 25% группы КР при ответе на вопрос «Какие национальные особенности супруга/супруги вам не нравятся?» отметили такие особенности как вспыльчивость, хитрость, склонность к выпивке, лень, упрямство, скрытность. Эти ответы свидетельствуют о недостаточном и часто искажённом понимании национальных особенностей своих супругов в обеих группах. Учитывают национальные особенности партнера 54% респондентов группы КР и 12% – из группы КЧ.

Практически все респонденты ответили, что они и их родители хорошо относятся к людям другой национальности (группа КЧ – 88%, группа КР – 66%). В группе часто конфликтующих (КЧ) на вопросы об отношении с родителями супруга (супруги) большинство (62%) выбрали ответ «терпимо». В группе редко конфликтующих (КР) респондентов ответили также всего 17%. Среди названных супругами причин конфликтов различий по группам в целом нет. В обеих группах были названы: отсутствие взаимопонимания, не хватает материальных средств, ревность, воспитание детей, пьянство, вредные привычки. Но если в группе КР чаще всего респонденты называли одну или две причины, то в группе КЧ более половины супругов отмечали более двух причин конфликтов в семье. В группе КЧ всего 25% респондентов оценили эмоциональную обстановку в семье как благоприятную, а в группе КР – 82%.

Таким образом, в ходе опроса мы установили, что конфликты между супругами разной национальности чаще происходят в се-

мьях, где существует неблагоприятная эмоциональная обстановка, где супруги слабо информированы о национальных особенностях друг друга, не учитывают их, редко стараются договориться мирно при возникновении разногласий.

Для выявления представлений супругов о ролевой структуре семьи использовалась методика «Распределение ролей в семье» Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской. Методика позволяет проанализировать ролевую структуры семьи по следующим параметрам: воспитание детей, эмоциональный климат в семье, материальное обеспечение семьи, организация развлечений, роль «хозяин/хозяйка», сексуальный партнер, организация семейной субкультуры [1]. Итоговое значение находится в диапазоне от одного до четырёх баллов. Чем выше балл, тем в большей степени данная роль в опрашиваемой семье реализуется женой, чем ниже – реализуется мужем. Если величина близка к срединному значению (2 балла), то данную роль оба супруга реализуют приблизительно в равной степени.

Результаты, представленные на рисунках 1 и 2, позволяют сравнить представления супругов о распределении семейных ролей в мононациональных и межнациональных семьях.

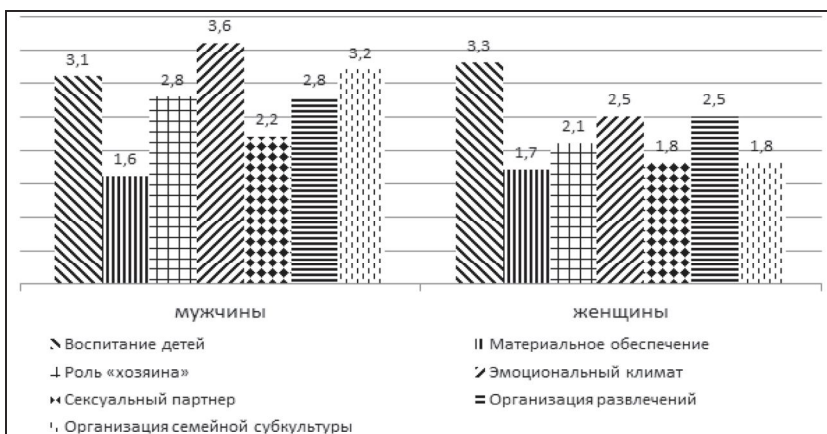

Рис. 1. Результаты методики «Распределение ролей в семье» в мононациональных семьях

На рисунках видно, что независимо от типа семьи и пола супругов выполнение роли воспитателя детей считается исключительно женской обязанностью. Мужчины независимо от типа семьи склонны считать себя ответственными за материальное обеспечение семьи. Жёны из мононациональных семей полагают, что оба супруга должны отвечать за достаток в семье, то есть они тоже считают себя ответственными за выполнение этой роли.

В межнациональных семьях, женщины чаще высказывают мнение, что отвечать за материальное обеспечение семьи в большей степени должен мужчина. Что касается покупки продуктов и приготовления пищи, ухода за одеждой, обеспечения уюта, порядка и чистоты в доме, то в мононациональных семьях эта роль скорее отводится жене, а не мужу. В межнациональных семьях мужчины считают, что это женская роль, а в представлении женщины роль «хозяин/хозяйка» должны выполнять оба супруга.

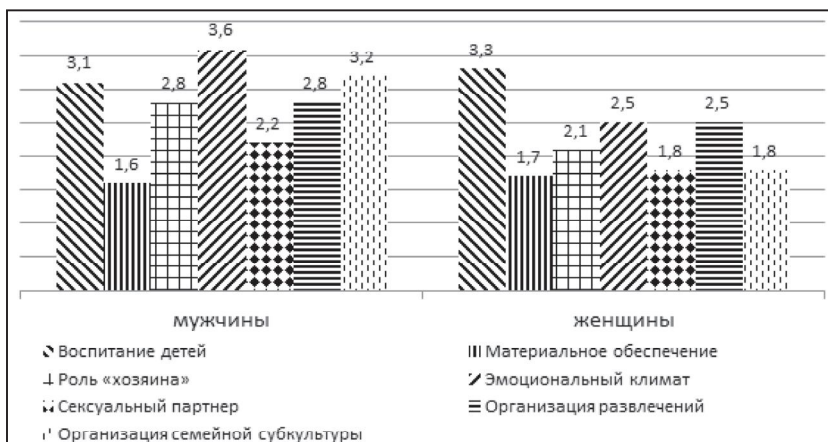

Рис. 2. Результаты методики «Распределение ролей в семье» в межнациональных семьях

Ответственность за эмоциональный климат в мононациональных семьях в обоими супругами и мужьями из многонациональных семей возлагается на женщин. Они считают, что именно женщина должна эмоционально поддерживать других членов семьи, проявлять симпатию

и принятие. Женщины в межнациональных семьях склонны считать, что роль «психотерапевта» в семье должны выполнять оба супруга.

В отношении проявления активности в плане сексуального поведения в паре, жены одной национальности с мужем, считают эту роль женской. Мужчины в этих семьях тоже заинтересованы в активности женщин как сексуальных партнеров, но в меньшей степени, нежели женщины. В семьях, где супруги разной национальности отмечена тенденция к равноправному распределению роли сексуального партнёра между супругами.

Результаты по распределению роли «Организация развлечений» сильно не различаются. В обоих типах семей супруги готовы к равному распределению инициативы в сфере досуга. Реализацию роли «Организация семейной субкультуры» в мононациональных семьях в большей степени готовы взять на себя жёны, а мужья считают, что это должны делать оба супруга. В межнациональных семьях мужья возлагают на жён, а те – на мужей.

Таким образом, в межнациональных семьях разногласия между супругами возникают при распределении таких ролей как эмоциональный климат в семье, роль «хозяин/хозяйка», организация семейной субкультуры. В мононациональных семьях явные разногласия проявились только в вопросе материального обеспечения семьи.

Наиболее конфликтогенные сферы супружеских отношений, уровень конфликтности в семье, степень разногласия в конфликтных ситуациях, активность и модальность эмоциональных реакций определялись с помощью методики «Взаимодействие супругов в конфликтных ситуациях» Ю.Е. Алешинной и Л.Я. Гозмана [1]. Супругам предлагается описание различных конфликтных ситуаций, возникающих в семье. Для ответа супругам предлагается шкала возможных реакций на определенную ситуацию, в которую заложены два признака: активность или пассивность реакции и согласие или несогласие с супругом (т.е. позитивность или негативность реакции). Все ответы разделены на две группы по основанию «виновного в конфликте».

Результаты методики получают путем расчета общего индекса (среднее арифметическое ответов по всем ситуациям), а также

частных индексов по блокам (среднее арифметическое по каждому блоку). Значения индексов меняются от -2 до 2. Отрицательные значения индексов говорят о негативной реакции респондента в конфликтных ситуациях, положительные – о позитивных реакциях. Значения, близкие к 1 (или к -1) подчеркивают пассивный характер поведения при семейных недоразумениях, а близкие к 2 (или к -2) – об активной позиции в данных ситуациях [1].

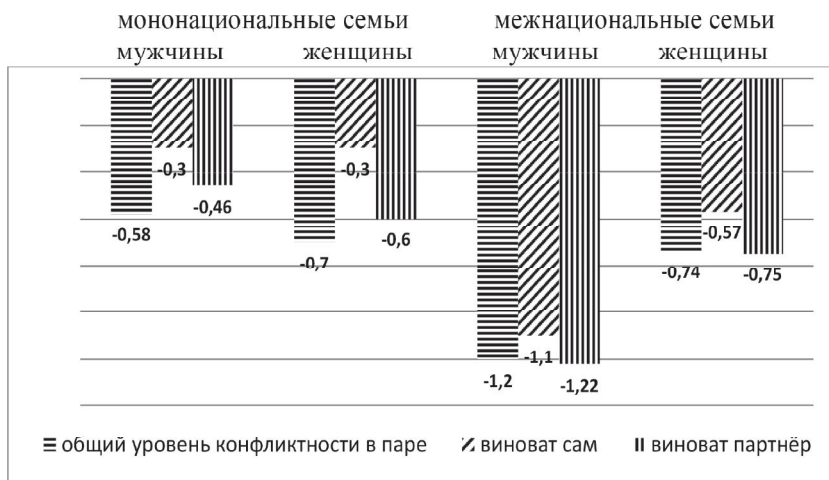

Рис. 3. Результаты методики «Взаимодействие супругов в конфликтных ситуациях» по параметрам «конфликтность» и «виновность»

По результатам, представленным на рисунке 3 видно, что общий уровень конфликтности в семьях, где оба супруга одной национальности, примерно равный. Оба супруга склонны к проявлению негативной реакции в конфликтах. При этом они чаще всего занимают пассивную позицию в различных ситуациях конфликта. В межнациональных семьях супруги также проявляют негативную реакцию в конфликтах, при этом мужчины демонстрируют более активную позицию в конфликтных ситуациях, чем женщины, независимо от того кого считают виновником – себя или супругу.

Как видно из результатов, представленных на рисунке 4, в мононациональных семьях, в отличие от мужей, жены занимают более

активную позицию в конфликтах по поводу воспитания детей и конфликтах, возникающих из-за отношений с родственниками и друзьями.

Если же конфликт связан с нарушением ролевых ожиданий, то женщины из мононациональных семей могут и не отреагировать негативно, чего нельзя сказать о реакции жен в межнациональных семьях. Последние склонны демонстрировать негативные реакции, но при этом делают это не столь активно как мужчины. В семьях обоих типов мужа проявляют активную негативную реакцию, если их ролевые ожидания не подкрепляются.

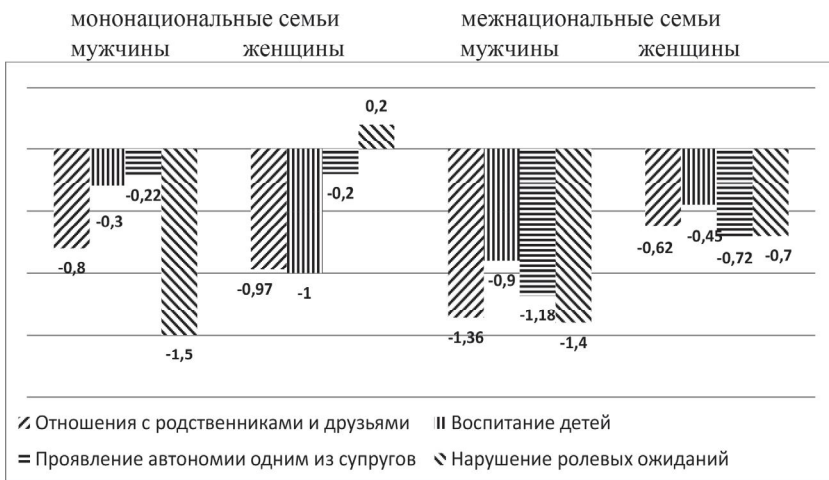

Рис. 4. Результаты методики «Взаимодействие супругов в конфликтных ситуациях»

При рассогласовании норм поведения оба супруга в большинстве мононациональных семьях не проявляют негативно окрашенных реакций в отличие от супругов в межнациональных семьях (рис. 5). Женщины из мононациональных семей также не склонны негативно реагировать по причине ревности, чего не скажешь о мужчинах, которым свойственна негативно окрашенная пассивная реакция. В межнациональных семьях проявление ревности сопровождается негативной реакцией обоих супругов, причём они одинаково активны в этих ситуациях.

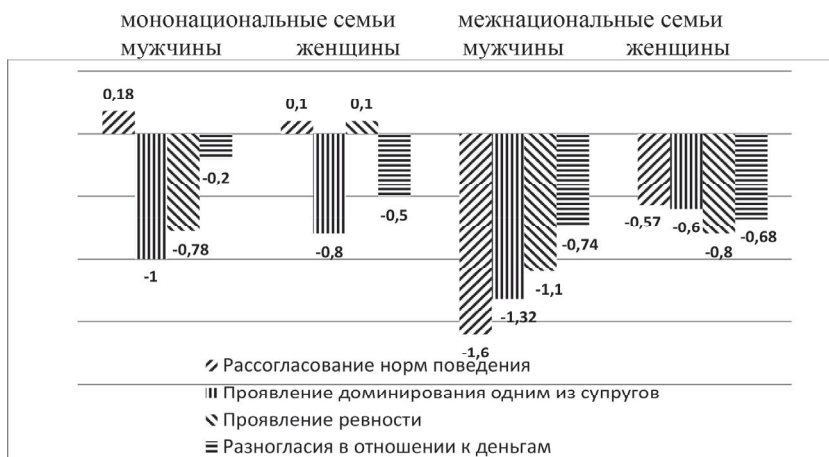

Рис. 5. Результаты методики «Взаимодействие супругов в конфликтных ситуациях»

Также в семьях, где оба супруга одной национальности, они негативно и пассивно реагируют в ситуациях разногласия в отношении к деньгам (особенно пассивны мужья). В межнациональных семьях такой пассивности меньше как со стороны жены, так и со стороны мужа. Активность негативных реакций в конфликтных ситуациях, возникающих из-за рассогласования норм поведения в межнациональных семьях значительно выше у мужей, чем у жен. Такая же тенденция отмечается, когда конфликт возникает на почве проявления доминирования одного из супругов. Супруги одной национальности проявляют среднюю негативную реакцию, когда один из супругов старается доминировать по отношению к другому.

Таким образом, мы выяснили, что в межнациональных семьях при взаимодействии супругов в конфликтах супруги проявляют негативные реакции во всех перечисленных ситуациях. Мужья в своих реакциях более активны, чем жены (за исключением разногласий в отношении денег и при проявлении ревности).

Проведя статистическую обработку полученных результатов с помощью t-критерия Стьюдента и непараметрического U-критерия Манна-Уитни, мы выявили следующие значимые различия. Уровень

конфликтности в межнациональных семьях выше, чем в мононациональных семьях практически по всем показателям ($p \leq 0.01$). Это обнаруживается в ситуациях, связанных с родственниками и друзьями, по вопросам воспитания детей, проявления автономии, рассогласовании норм поведения, ревности и отношении к деньгам. Также обнаружена тенденция в нарушении ролевой структуры в межнациональных семьях по таким ролям как «хозяин-хозяйка», «эмоциональный климат» и «организация семейной субкультуры» ($p \leq 0.05$). В мононациональных семьях значимых рассогласований при распределении ролей не выявлено.

Заключение

Исследование было посвящено выявлению особенностей супружеских конфликтов в межнациональных семьях. На основе сравнительного анализа ролевой структуры, конфликтных областей и особенностей взаимодействия в конфликтах супругов из мононациональных и межнациональных семей мы можем сделать следующие выводы.

Причиной конфликтов в межнациональных семьях является нарушение ролевых ожиданий супругов, разногласия по вопросам воспитания детей, отношений с родственниками и друзьями, а также рассогласования норм поведения, обусловленных национальными особенностями.

Уровень конфликтности в межнациональных семьях выше, чем в мононациональных семьях. Мужья в своих реакциях более активны, чем жены (за исключением разногласий в отношении денег и при проявлении ревности). В межнациональных семьях при взаимодействии супругов в конфликтах супруги проявляют негативные реакции во всех сферах супружеских отношений. Значимые разногласия между супругами обнаруживается в ситуациях, связанных с родственниками и друзьями, по вопросам воспитания детей, проявления автономии, рассогласовании норм поведения, ревности и отношении к деньгам.

Конфликты между супругами разной национальности чаще происходят в семьях, где существует неблагоприятная эмоциональная обстановка и больше причин для конфликтов, где супруги слабо информированы о национальных особенностях друг друга, не учитывают их, редко стараются договориться мирно при возникновении разногласий.

Список литературы

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: спецпрактикум по социальной психологии. М.: Психолог, 2002. 300 с.
2. Батарчук Д.С. Проблема внутрисемейных отношений в межнациональных браках: социально-психологические и психолого-акмеологические особенности // Акмеология. 2014. № 3 (51). С. 113–120.
3. Гурко Т.Д. Трансформация брачно-семейных отношений // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН пресс-Ц, 2011. С. 272–283.
4. Корнев В.А., Эль-Журди А. Проявления этнопсихологической интерференции в области семейных отношений при смешанных браках // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. Воронеж, 2000. Вып. 22. С. 50–52.
5. Магомаева П.А. Этнопсихологическая специфика семейных отношений // Этнопсихологические проблемы в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции. 2009. С. 113–119.
6. Медведева Н.И., Сардарян А.Г. Влияние этнического самосознания на семейные конфликты в межнациональных браках на северном Кавказе. Мир образования – образование в мире. 2012. № 2. С. 76–80.
7. Сизоненко З.Л. Межнациональная семья в крупном городе // Социс, 2007. №2. С. 26–32.
8. Сулягина Ю.О., Чепнян А. Конфликт в межнациональном браке и психологическая помощь в межнациональных семьях // Современная Россия: проблемы управления, регулирования, организации и самоорганизации. Москва, 2012. С. 167–169.
9. Титова Т.А. Этническое самосознание в национально-смешанных семьях. Казань: Форт-Диалог, 2009. 163 с.
10. Хачатрян Л.А., Чадова А.А. Межнациональная семья в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 127–135.
11. Худавердян В.Ц., Вдовина М.В. Межэтническое взаимодействие в российской семье // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2007. № 3. С. 80–91.

12. Хуснутдинова Р.Р. Этнопсихологические особенности поведения в конфликтной ситуации в однонациональных и межнациональных русских и татарских семьях // Вестник томского государственного университета. 2015. № 400. С. 286–292.
13. Behfar K.J., Mannix E.A., Peterson R.S., Trochim W.M. Conflict in small groups: The meaning and consequences of process conflict. *Small Group Research*, 2011, 42(2), 127–176.
14. Chambers J.R., De Dreu C.K.W. Egocentrism drives misunderstanding in conflict and negotiation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2014, Vol. 51, 15–26.
15. Chumakova D.M. Parents spiritual well-being and family relations. International Association for the Psychology of Religion Lausanne Switzerland Programme & Book of Abstracts. Institute for Social Sciences of Contemporary Religions University of Lausanne; Institute of Psychology. University of Lausanne; Swiss Association for the Psychology of Religion (ASPsyRel); Edited by: Liudmila Gamaiunova, Zhargalma Dandarova Robert, Karine Koch, Pierre-Yves Brandt, Kevin L. Ladd, and Christopher Alan Lewis, 2013. P. 170.
16. Soon-yang Kim, Yeong-gyun Shin. Multicultural families in Korean rural farming communities: Social exclusion and policy response. Paper presented at the Fourth Annual East Asian Social Policy research network (EASP) International Conference «Restructuring Care Responsibility: Dynamics of Welfare Mix in East Asia 20-21 October 2007, The University of Tokyo, Japan».
17. Walters L., Warzywoda-Kruszynska W., and Gurko T. Cross-Cultural Studies of Families: Hidden Differences // *Journal of Comparative Family Studies*. 2002. no. 3.

References

1. Aleshina Ju.E., Gozman L.Ja., Dubovskaja E.M. *Social'no-psihologicheskie metody issledovanija supruzheskih otnoshenij* [Socio-psychological methods of researching spouse relationships]. Moscow: Psychologist, 2002, 300 p.
2. Batarchuk D.S. *Problema vnutrisemejnyh otnoshenij v mezhnacional'nyh brakah: social'no-psihologicheskie i psihologo-akmeologiches-*

- kie osobennosti* [Problem of interfamily relationships in cross-national marriages: Socio-psychological and psycho-acmeological peculiarities]. *Akmeologija*, 2014, no. 3 (51), pp. 113–120.
3. Gurko T.D. *Transformacija brachno-semejnyh otnoshenij. Rossija: transformirujushheesja obshhestvo* [Transformation of marriage and family relationships. Russia: transforming society]. Moscow: KANON press-C, 2011, pp. 272–283.
 4. Kornev V.A., Jel'-Zhurdi A. Projavlenija etnopsihologicheskoy interferencii v oblasti semejnyh otnoshenij pri smeshannyh brakah [Manifestations of ethno-psychological interference in the sphere of family relationships in mixed marriages]. *Aktual'nye problemy social'no-gumanitarnyh nauk. Voronezh*, 2000. Issue 22, pp. 50–52.
 5. Magomaeva P.A. Etnopsihologicheskaja specifikaja semejnyh otnoshenij [Ethno-psychological peculiarity of family relationships]. *Sbornik Etnopsihologicheskie problemy v sovremennom mire Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Ethnopsychological problems in the modern world. Materials of the international scientific-practical conference], 2009, pp. 113–119.
 6. Medvedeva N.I., Sardarjan A.G. Vlijanie etnicheskogo samosoznaniya na semejnye konflikty v mezhnacional'nyh brakah na Severnom Kavkaze [Influence of ethnic self-consciousness on family conflicts in cross-national marriages in North Caucasus]. *Mir obrazovanija. Obrazovanie v mire*. 2012. no. 2, pp. 76–80.
 7. Sizonenko Z.L. Mezhnacional'naja sem'ja v krupnom gorode [Cross-national family in a big city]. *Socis*, 2007, no. 2, pp. 26–32.
 8. Suljagina Ju.O., Chepnjan A. Konflikt v mezhnacional'nom brake i psihologicheskaja pomoshh v mezhnacional'nyh sem'jah [Conflict in cross-national marriage and psychological assistance in cross-national families]. *Sbornik: sovremennaja Rossija: problemy upravlenija, regulirovanija, organizacii i samoorganizacii* [Modern Russia: problems of management, regulation, organization and self-organization]. Moscow, 2012, pp. 167–169.
 9. Titova T.A. *Etnicheskoe samosoznanie v nacional'no-smeshannyh sem'jah* [Ethnic self-consciousness in families with mixed nationalities]. Kazan: Fort-Dialog, 2009, 163 p.

10. Hachatrjan L.A., Chadova A.A. Mezhnacional'naja sem'ja v sovremen-nom rossijskom obshhestve [Cross-national family in modern Russian society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija*. 2016, Issue 1(25), pp. 127–135.
11. Hudaverdjan V.C., Vdovina M.V. Mezhetnicheskoe vzaimodejstvie v rossijskoj sem'e [Cross-ethnic interaction in Russian family]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18: Sociologija i politologija*, 2007, no. 3, pp. 80–91.
12. Husnutdinova R.R. *Etnopsichologicheskie osobennosti povedenija v konfliktnoj situacii v odnonacional'nyh i mezhnacional'nyh russkih i tatarskih sem'jah* [Ethno-psychological peculiarities in mono-national and cross-national Russian and Tartar families]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 400, pp. 286–292.
13. Behfar K.J., Mannix E.A., Peterson R.S., Trochim W.M. Conflict in small groups: The meaning and consequences of process conflict. *Small Group Research*, 2011, 42(2), 127–176.
14. Chambers J.R., De Dreu C.K.W. Egocentrism drives misunderstanding in conflict and negotiation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2014, Vol. 51, 15–26.
15. Chumakova D.M. Parents spiritual well-being and family relations. International Association for the Psychology of Religion Lausanne Switzerland Programme & Book of Abstracts. Institute for Social Sciences of Contemporary Religions University of Lausanne; Institute of Psychology. University of Lausanne; Swiss Association for the Psychology of Religion (ASPsyRel); Edited by: Liudmila Gamaiunova, Zhargalma Dandarova Robert, Karine Koch, Pierre-Yves Brandt, Kevin L. Ladd, and Christopher Alan Lewis, 2013. P. 170.
16. Soon-yang Kim, Yeong-gyun Shin. Multicultural families in Korean rural farming communities: Social exclusion and policy response. Paper presented at the Fourth Annual East Asian Social Policy research network (EASP) International Conference «Restructuring Care Responsibility: Dynamics of Welfare Mix in East Asia 20–21 October 2007, The University of Tokyo, Japan».
17. Walters L., Warzywoda-Kruszynska W., and Gurko T. Cross-Cultural Studies of Families: Hidden Differences. *Journal of Comparative Family Studies*. 2002. no. 3.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Валиуллина Гульнара Гайсаевна, доцент кафедры общей и когнитивной психологии, кандидат психологических наук
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, г. Астрахань, Астраханская область,
414056, Российская Федерация
ullina2005@yandex.ru

Тимашева Лариса Владимировна, доцент кафедры конфликтологии и организационной психологии, кандидат психологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, г. Астрахань, Астраханская область,
414056, Российская Федерация
lavtim@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Valiullina Gulnara Gaisaevna, Associate Professor of Department of General and Cognitive Psychology, Ph.D. in Psychology
Astrakhan State University
20a, Tatyscheva Str., Astrakhan, Astrakhan oblast, 414056, Russian Federation
ullina2005@yandex.ru

Timasheva Larisa Vladimirovna, Associate Professor of Department of Conflictology and Organizational Psychology, Ph.D. in of Psychology, Docent
Astrakhan State University
20a, Tatyscheva Str., Astrakhan, Astrakhan oblast, 414056, Russian Federation
lavtim@mail.ru
SPIN-code: 6918-9308

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-2-37-54

УДК 316.6

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ К СОВРЕМЕННЫМ ЦИФРОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ ПОСРЕДСТВОМ ЗООМЕТАФОР

*Жеребненко О.А., Кузнецова Л.Б.,
Москаленко С.В., Балыков В.В.*

***Цель работы.** Статья посвящена анализу отношения младших школьников к современным цифровым технологиям (интернет, компьютер, мобильный телефон).*

***Метод или методология проведения работы.** Основным методом исследования является ассоциативный эксперимент. Отношение младших школьников к интернету, компьютеру и мобильному телефону исследуется посредством анализа зоометафор (ассоциаций с представителями животного мира).*

***Результаты работы.** Было выявлено, что интернет у младших школьников в большей мере ассоциируется с животным диким, хищным, сильным (тигр, медведь, лев), что отражает чувства уважения, восхищения, признание авторитета. Компьютер в наибольшей мере ассоциируется с домашними животными (кошка, собака), как с чем-то хорошо знакомым, понятным, дружественным, приносящим радость. В ассоциациях к понятию «мобильный телефон» лидирует попугай. Это отражает такие характеристики отношения младших школьников к мобильному телефону, как возможность вербального общения, а также возможность выделиться, привлечь к себе внимание. Исследование показало, что отношение младших школьников к современным цифровым технологиям содержит характеристики их отношения к самим себе (согласуется с образом «Я реальное» и «Я идеальное»).*

***Область применения результатов.** Материалы статьи представляют практическую ценность для профессиональной деятельности*

сти педагогов, психологов, направленной на обеспечение психологического благополучия младших школьников, профилактику формирования у них компьютерной, мобильной и интернет-зависимости.

Выводы. Основные выводы исследования показывают, что животные, ассоциирующиеся с интернетом, компьютером и мобильным телефоном, в большей мере согласуются с представлением детей об идеальных животных и животных, больше всего похожих на них, и практически не представлены на уровне «теневых», не принимаемых детьми собственных качеств.

Ключевые слова: современные цифровые технологии; компьютер; интернет; мобильный телефон; младший школьный возраст; зоометафора; образ Я.

THE RESEARCH OF THE ATTITUDE OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS TO MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES BY MEANS OF ZOOMETAPHORS

*Zherebnenko O.A., Kuznetsova L.B.,
Moskalenko S.V., Balykov V.V.*

The purpose of the research. *The study is devoted to the analysis of schoolchildren's attitude to modern digital technologies (Internet, computers, and mobile phones).*

Methods or methodology of the research. *The main method of the research is an association experiment. Schoolchildren's attitude to Internet, computers, mobile phones is analyzed with the help of zoometaphors (associations with animals).*

Results of the research. *It was identified that schoolchildren mostly associate Internet with a wild, rapacious and strong animal (a tiger, a bear, a lion). This reflects the feelings of respect, admiration, authority recognition. A computer more frequently stands for domestic animals (a cat, a dog) as something familiar, good, clear, friendly, joyful. The most currently occurred association to "a mobile phone" is a parrot. It reflects such characteristics of schoolchildren's attitude to a mobile phone as a possibility of verbal com-*

munication, as well as a chance to stand out, to draw attention to oneself. The study showed that schoolchildren's attitude towards digital technologies represent characteristics of their own attitude to themselves (the correlation between the images "I am real" and "I am ideal").

Scope of application. *The data of the research are of great practical importance for professional activities of lecturers, psychologists in providing schoolchildren's mental well-being and preventing them from computer-, mobile- and Internet-addiction disorders.*

Final results. *The main results of the study showed that the animals associating with Internet, computers and mobile phones are in most cases correspond with the children's ideas about ideal animals and the animals that look like them, and are not represented at the level of "shady", personal traits of character unaccepted by the children.*

Keywords: *modern digital technologies; computer; internet; mobile phone; primary school age; zoometaphore; self-image.*

Введение

Проблема чрезмерного погружения современного человека в виртуальное пространство, а так же зависимости от современных технических средств коммуникации приобретает все большую актуальность в наши дни. В последнее время значительно возросло количество исследований посвящённых данной проблематике. В науке изучаются и активно обсуждаются причины и последствия чрезмерного увлечения современными гаджетами, компьютерными играми, социальными сетями, ведутся дискуссии о положительных и отрицательных аспектах данного явления.

Особую актуальность приобретает проблема увлеченности компьютерными играми, интернетом, зависимости от мобильных устройств в детско-подростковой среде [1; 2; 3; 5; 6; 10; 12]. Это обусловлено широким распространением и ранним приобщением детей и подростков к современным техническим средствам коммуникации. С одной стороны, это является закономерным следствием такого прогрессивного фактора, как стремительное развитие современных информационных технологий. Современные дети живут в

совершенно других условиях, по сравнению с теми, в которых выросли их родители. Развитие цифровых технологий сделало их поколением, выросшим в цифровой среде: почти всю информацию получают из сети интернет. Информационная цифровая среда и мир технических устройств являются для них, одним из значимых источников социокультурного развития, выступают инструментом, опосредующим формирование у них высших психических процессов [12]. Так, если высшие психические функции детей прошлых поколений (до эпохи новых цифровых технологий) развивались в процессе непосредственного социального взаимодействия со взрослыми и сверстниками, то сегодня Интернет в значительной степени выступает посредником в этом взаимодействии [7].

С другой стороны чрезмерное погружение в цифровую информационную среду может приводить к негативным последствиям, среди которых в качестве наиболее значимых современные авторы рассматривают: проявление феномена «зависимости», неблагоприятно влияющего на их физическое и психическое здоровье [6], погружение в виртуальное пространство (в процессе общения, игровой деятельности, познания и др.), больше чем в реальную жизнь [8, с. 213], оскудение воображения детей [10, с. 49], поскольку все образы ребёнок получает в готовом виде (яркие, красочные, детальные), депривация восприятия запахов, прикосновений, поскольку поток информации идёт преимущественно в виде визуальных образов [13], неправильная расстановка приоритетов и ценностей в процессе социализации [15], возможность получения негативной информации, вовлечения в группы ассоциальной направленности [1].

Несмотря на значимость и актуальность проблемы чрезмерного вовлечения современных детей в информационную и компьютерную среду, уже начиная с достаточно раннего возраста, большинство современных исследований по этой проблеме выполнено на выборках подростков и взрослых [10]. Более ранние возрасты в контексте заявленной проблемы значительно менее изучены. В частности активными пользователями современных гаджетов, а так же сети интернет являются младшие школьники. В то же время, по данным

ряда исследование формирование зависимости от компьютера, интернета и мобильных устройств в детском и подростковом возрасте происходит гораздо быстрее, чем у взрослых [2; 4; 9]. В связи с вышесказанным, проблема исследования восприятия младшими школьниками современной цифровой среды приобретает особую актуальность как в теоретическом, так прикладном аспектах.

Материалы и методы

Целью проведенного нами эмпирического исследования было изучение отношения детей младшего школьного возраста к современным цифровым технологиям.

Исходя из специфики психологических особенностей данной возрастной группы, а так же необходимости выявления отношения младших школьников к современной цифровой среде не только на осознаваемом, но и на неосознанном уровне, при разработке программы исследования предпочтение мы отдали проективным методам. Отношение младших школьников к современным техническим средствам коммуникации мы исследовали на метафорическом уровне. Метафора является сложным феноменом, заключающим в себе образный и когнитивный инструментальный потенциал для выражения знаний о мире при помощи языковых моделей. Сущность метафоры заключена в механизме ассоциативного отождествления, дающего возможность соотнести по средством номинативного акта явления разных предметных областей. По выражению С.Л. Рубинштейна «образование ассоциации – это, по существу, процесс, в котором одно явление приобретает значение сигнала другого явления» [6, с. 136].

Одной из самых известных моделей метафорической номинации является зооморфная метафора, когнитивным источником которой служит образ животного, перенесенный на человека. Как отмечают И.В. Чекулай, О.В. Прохорова зоометафора «является одной из наиболее фундаментальных моделей передачи человеком многообразия его мыслей, чувств и эмоций» [8, с. 163].

Так, в классической зооморфной метафоре, когнитивным источником служит образ животного, перенесенный на человека, мы же

в своей работе попытались посмотреть и применить зоометафоры с другой стороны, а именно, перенести этот образ не на человека, а на неодушевленные предметы, в данном случае на современные компьютерные технологии.

В проведенном нами исследовании мы изучали отношение младших школьников к современным техническим средствам коммуникации (компьютер, мобильный телефон и интернет) на метафорическом уровне: посредством анализа того, с какими представителями животного мира данные явления у них ассоциируются. Мы предположили, что информативным показателем оценки отношения младших школьников к современным цифровым технологиям, является их сопоставление с компонентами образа Я ребенка на метафорическом уровне. Для этого нами были определены ещё три категории оценивания посредством зоометафор: идеальное животное (для определения характеристик образа «Я-идеальное» ребенка), животное – антиидеал (для определения «теневых», неосознаваемых и/или неприняемых младшим школьником частей своей личности), животное, которое больше всего похоже на меня (для определения характеристик образа «Я-реальное» ребенка).

Основным методом нашего исследования был ассоциативный эксперимент. В процессе исследования испытуемым предлагалось определить с какими животными у них ассоциируются интернет, компьютер и мобильный телефон, а так же определить своё идеальное животное, животное – антиидеал и животное, которое больше всего похоже на них.

Исследование было проведено на базе МОУ «Октябрьская СОШ Белгородского района Белгородской области имени Героя России Ю.А. Чумака». В нём приняли участие учащиеся 2–3 классов. Общее число испытуемых составило 60 человек.

Результаты и обсуждение

Перейдем к анализу полученных результатов. На первом этапе, мы проанализировали ассоциации учащихся с представителями животного мира, которые возникают у них при слове «интернет». Полученные результаты представлены на рисунке 1.

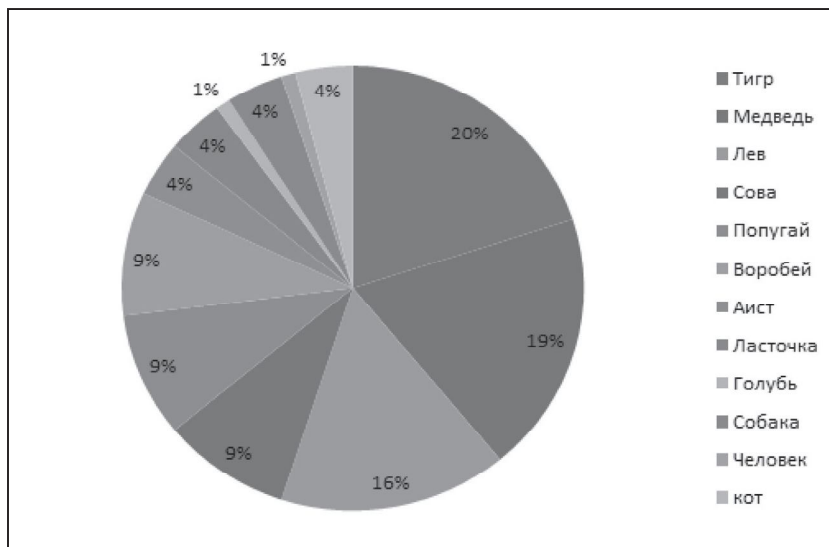

Рис. 1. Соотношение зоометафор младших школьников к понятию «интернет»

Можно заметить, что в выборке наиболее частотными являются ассоциации с такими животными, как: тигр (20%), медведь (19%), лев (16%). Интерпретируя полученные данные, можно сделать вывод о том, что интернет у младших школьников ассоциируется с животным диким, хищным, сильным, можно сказать «царём зверей» в своём месте обитания. В эмоциональном плане такие ассоциации могут свидетельствовать о таких чувствах, как уважение, интерес (чувство неизведанного), восхищение, страх, о таком отношении как: признание авторитета и готовность подчиняться власти. В меньшей мере представлены ассоциации с птицами: сова, попугай, воробей (по 9%), аист, ласточка (4%). На наш взгляд это может выражать такие характеристики в отношении младших школьников к интернету, как источник мудрости (сова), возможность легко и быстро перемещаться и добывать информацию.

Затем, мы проанализировали ассоциации с представителями животного мира, которые возникают у учащихся при слове «компьютер». Полученные результаты представлены на рисунке 2.

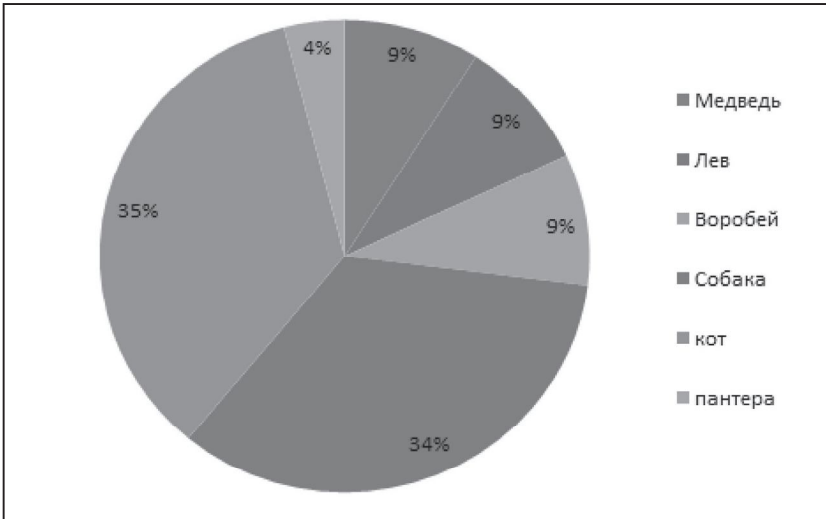

Рис. 2. Соотношение зоометафор младших школьников к понятию «компьютер»

Анализируя полученные данные, следует обратить внимание, что в выборке наиболее частотными оказались животные: кот (35%), собака (34%). Данные животные «лидируют» среди других ассоциаций с большим отрывом, в связи с чем, отношение младших школьников к такому явлению как «компьютер» можно характеризовать как более однозначное, по сравнению с отношением к рассмотренному ранее понятию «интернет». Кроме того, можно сделать вывод, что компьютер ассоциируется у младших школьников с домашними животными, «домашними любимцами». Наш взгляд это является отражением симпатии, отношения к компьютеру как к чему-то приносящему радость. Кроме того, в отличие от диких животных, эти животные более типичные, знакомые, привычные, понятные, доступные для взаимодействия, поскольку они есть дома у многих детей или их знакомых, кроме того, дети могут встретить бездомных собак и кошек на улице. Таким образом, компьютер ассоциируется у младших школьников, в первую очередь, с чем-то хорошо знакомым, привычным, понятным, а так же приносящим радость.

Далее, мы проанализировали ассоциации с животными, которые возникают у учащихся при слове «мобильный телефон». Полученные результаты представлены на рисунке 3.

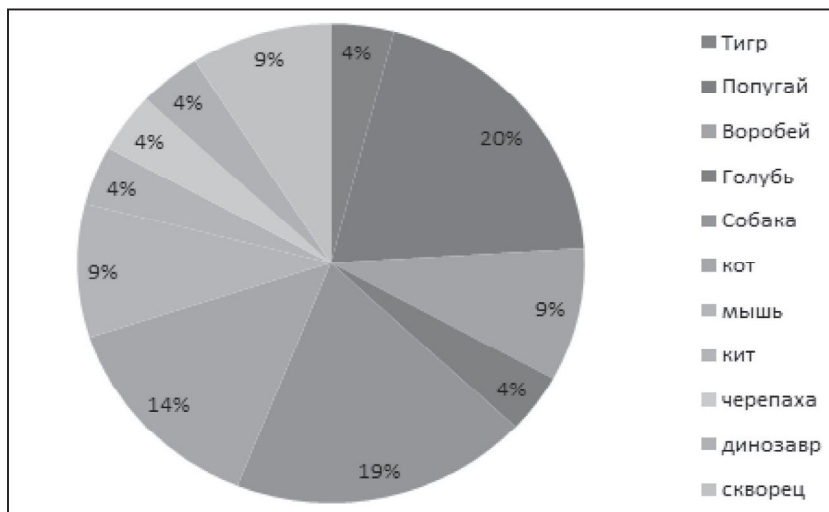

Рис. 3. Соотношение зоометафор младших школьников к понятию «мобильный телефон»

Было установлено, что в выборке наиболее частотными оказались животные: попугай (20%), собака (19%), кот (14%). Следует обратить внимание, что разброс ассоциаций на слово-стимул «мобильный телефон» достаточно большой. Таким образом, данное явление воспринимается младшими школьниками не настолько однозначно, насколько «компьютер». В целом же ассоциативный ряд схож с ассоциациями к понятию «компьютер». Так же наиболее типичные домашние животные. Достаточно большой процент младших школьников ассоциативно связывают мобильный телефон с собакой и котом. В тоже время, в отличие от компьютера, в ассоциациях к понятию «мобильный телефон» лидирует такое животное, как попугай. Попугай – эта, пожалуй, самая распространенная домашняя птица, обладающая уникальной способностью повторять человеческую речь, имеющая яркое, красочное, привлекающее внимание

оперение. На наш взгляд, это отражает такие характеристики отношения младших школьников к мобильному телефону, как возможность вербального общения, а так же возможность выделиться, привлечь к себе внимание. Так же, с меньшей частотой, но представлены ассоциации с такими птицами, как воробей и скворец. Ассоциация с птицами, с одной стороны может отражать такую функцию телефона как возможность разговаривать («чирикать»), а с другой связь – летящие птицы символизируют радиоволны передающие сигнал.

На втором этапе нашего исследования мы сопоставили зоометафоры, используемые младшими школьниками для характеристики современных цифровых технологий (интернет, компьютер, мобильный телефон) и зоометафоры детей по отношению к самому себе. Нами были определены следующие категории оценивания посредством зоометафор: идеальное животное (отражающие образ «Я-идеальное» ребенка), животное – антиидеал (отражающие «теневые», неосознаваемые и/или непринимаемые ребёнком в себе качества), животное, которое больше всего похоже на меня (отражающие образ «Я - реальное» ребенка). Мы исходили из предположения о том, что анализ отношения детей к современным техническим средствам коммуникации через призму таких оценочных категорий, как «идеал», «антиидеал» позволит углубить представление об их отношении к исследуемым объектам. Полученные результаты представлены на рисунке 4.

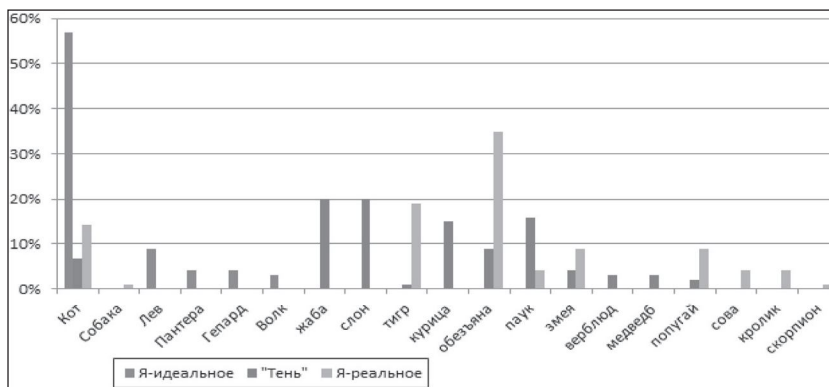

Рис. 4. Зоометафоры младших школьников по отношению к самим себе

Анализируя полученные данные можно выделить следующие основные тенденции:

- 1) В образе «Я-идеальное» с большим отрывом от других (57%) лидирует такое животное, как кот (кошка). С одной стороны это домашнее животное, знакомое и близкое детям, а с другой архетипически кошка отражает такие качества, как независимость, уверенность, ориентация на свои потребности, свобода в выборе действий. По всей видимости, эти качества являются значимыми для детей, модель поведения кошки является своего рода эталоном наиболее желательного поведения. Сопоставляя полученные данные с результатами исследования отношения младших школьников к современным техническим средствам коммуникации можно заметить, что образ кота (наряду с образом собаки) – наиболее распространённая зоометафора к понятию «компьютер». Таким образом, компьютер в сознании младшего школьника содержит элементы представления об идеале, о том, к чему хочется стремиться, у чего хочется учиться. Таким образом, на уровне зоометафор представление о компьютере ближе всего представлению об идеале (Я-идеальное).
- 2) Зоометафорический образ отрицательных качеств, противоположных идеалу более неоднороден и, в целом, менее однозначен. В нём присутствуют такие животные, как: жаба (20%), слон (20%), паук (16%), курица (15%), обезьяна (9%) и др. Сопоставляя полученные данные о «теневых», не принимаемых или неосознаваемых ребенком в себе качеств личности с данными об отношении младших школьников к современным техническим средствам коммуникации можно заметить, что данные животные практически отсутствуют в зоометафорах к понятию интернет, компьютер и мобильный телефон. Таким образом, технические средства коммуникации в сознании младших школьников наполнены позитивными характеристиками и практически не содержат никаких отрицательных, не принимаемых качеств.

3) Образ «Я-реальное» тоже достаточно неоднороден. В нем присутствуют такие зоометафоры, как: обезьяна (35%), тигр (19%), кот (14%), попугай (9%), змея (9%) и др. Можно заметить, что в нем, среди прочих, представлены метафорические образы животных, встречающихся при описании современных технических средств коммуникации. В частности, например, «тигр» (20%) – одна из наиболее часто встречаемых ассоциаций к понятию «интернет», «кот» (35%) – к понятию «компьютер» (на что мы уже указывали выше), «попугай» (20%) – к понятию «мобильный телефон». Можно сделать вывод, что в образе «Я реальное» младшего школьника в определенной мере представлены элементы всех трёх рассматриваемых нами современных технических средств коммуникации.

Таким образом, сопоставление животных, которых младшие школьники выбирали для характеристики заданных объектов (интернет, компьютер, мобильный телефон) с теми животными, которых они выбирали по критериям: «идеальное животное», «животное – антиидеал» и «животное наиболее похожее на меня» выявило: а) образ «Я-идеальное» в наибольшей мере соотносится с образом «компьютера», поскольку в каждом из них наиболее представлена такая зоометафора, как «кот», отражающая такие характеристики, как независимость, уверенность, ориентация на свои потребности, свобода в выборе действий; б) современные цифровые технологии в сознании младших школьников наполнены позитивными характеристиками и практически не содержат никаких отрицательных, не принимаемых в себе качеств, в) образе «Я-реальное» младшего школьника в определенной мере представлены элементы всех трёх рассматриваемых нами современных технических средств коммуникации.

Заключение

В целом, проведенный нами анализ отношения младших школьников к современным цифровым технологиям посредством зоометафор, позволил выделить следующее:

1. Интернет у младших школьников в большей мере ассоциируется с животным диким, хищным, сильным, можно сказать «царём зверей» в своём месте обитания (тигр, медведь, лев). В эмоциональном плане такие ассоциации отражают чувства уважения, восхищения, интереса к неизведанному, признание авторитета.
2. Компьютер в наибольшей мере ассоциируется у младших школьников с домашними животными (кошка, собака), в как с чем-то хорошо знакомым, привычным, понятным, дружественным, а так же приносящим радость («домашний любимец»).
3. Мобильный телефон на уровне зоометафор, так же как «компьютер», в наибольшей мере представлен домашними животными (попугай, кот, собака). В тоже время в отличии от компьютера, в ассоциациях к понятию «мобильный телефон» лидирует такое животное, как попугай. На наш взгляд, помимо выделенных ранее особенностей, это так же отражает такие характеристики отношения младших школьников к мобильному телефону, как возможность вербального общения, а так же возможность выделиться, привлечь к себе внимание.
4. Современные цифровые технологии в большей мере соответствуют таким образам в самосознании младшего школьника, как: «Я-идеальное» и «Я-реальное» и практически не представлены на уровне «теневых», не принимаемых детьми в себе качеств. Наиболее ярко данная связь прослеживается между образом «Я-идеальное» и компьютером, в зоометафорах к которым наиболее представлена ассоциация «кот».

В заключение, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что проблема чрезмерного погружения человека в цифровую информационную среду, становится все более актуальной в наши дни, при этом особую значимость приобретает её возрастной аспект, который недостаточно исследован, в особенности, применительно к ранним возрастам. Одним из перспективных направлений исследования данной проблемы является подход к её изучению на метафорическом уровне сознания ребёнка, и, в частности, посредством зоометафор.

Список литературы

1. Аметова Э.Ш., Умерова И.А., Шумицкая Т.Н., Субботина Н.С. Риски и угрозы современного интернет-пространства (анализ результатов анкетирования детей и родителей) // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2017. № 1 (7). С. 18–23.
2. Богданова О.А. Интернет-зависимость у детей и подростков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2014. № 1 (27). С. 54–59.
3. Гарипов Л.Ф., Утемов В.В. Мотивация к познавательным компьютерным играм у младших школьников // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 242.
4. Жданова Н.Е. Одиночество как детерминанта интернет-зависимости в подростковом возрасте // Академический журнал Западной Сибири. 2014. т. 10. № 3 (52). С. 117–119.
5. Жеребненко О.А., Кузнецова Л.Б. Особенности отношения современных младших школьников к компьютерным играм // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4-2 (111). С. 393–399.
6. Малий Д., Куликова Т. Влияние компьютерных игр на школьную успеваемость. Опыт экспериментального исследования. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 80 с.
7. Николаева Е.С. К вопросу о психологических особенностях поколения Z // Проблемное поле современной семьи. Материалы I Международной научно-практической конференции МГГУ им. М.А.Шолохова, 18-19 июня, 2015. С. 151–155.
8. Новикова А.А. Роль компьютерной игры в психологическом развитии подростков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. Т. 2. № 7. С. 212–214.
9. Нургалина Р.Г. Роль рефлексии в образовательном процессе с использованием единой информационно-образовательной среды / Р.Г. Нургалина, Е.А. Ильина // Информация и образование: границы коммуникаций. 2012. С. 377–380.
10. Пахомова В.Г. Психологические детерминанты увлеченности компьютерными играми в младшем школьном возрасте Пахомова В.Г.

- Психологические аспекты влияния игровой виртуальной реальности на формирование образа я младших школьников // Психологическая наука и образование, 2017. Т. 22 . № 5. С. 49–56.
11. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды (Основы онтологии, логики и психологии). М.: Наука, 1997.
 12. Сорокоумова Е.А. Николаева Е.С. Поколение Z в процессе самопознания // Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты: Материалы Четвертой Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Е.В. Бродовская. М., 2015. С. 196–202.
 13. Сорокоумова Е.А. Социальная ситуация развития цифрового поколения // Социокультурная детерминация субъектов образовательного процесса: сборник материалов международной конференции XI Левитовские чтения в МГОУ. 2016. С. 98–101.
 14. Чекулай И.В., Прохорова О.Н. Зоометафора как фрагмент картины мира в восточнославянских языках // Проблемы лингвистики и лингводидактики. Международный сборник научных статей. Белгород, 2016. С. 164–177.
 15. Шутова Н.В., Баранова Ю.М. Использование арттерапевтических возможностей музыки в коррекции негативных эмоциональных проявлений подростков, имеющих интернет-зависимость // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1526.

References

1. Ametova E.Sh., Umerova I.A., Shumitskaya T.N., Subbotina N.S. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya*. 2017. № 1 (7), pp. 18–23.
2. Bogdanova O.A. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: In-formatika i informatizatsiya obrazovaniya*. 2014. № 1 (27), pp. 54–59.
3. Garipov L.F., Utemov V.V. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2013. № 3. P. 242.
4. Zhdanova N.E. *Akademicheskij zhurnal Zapadnoy Sibiri*. 2014. V. 10. № 3 (52), pp. 117–119.

5. Zhrebchenko O.A., Kuznetsova L.B. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 2015. № 4-2 (111), pp. 393–399.
6. Maliy D., Kulikova T. *Vliyaniye komp'yuternykh igr na shkol'nyuyu uspevaemost'*. *Opyt eksperimental'nogo issledovaniya* [The influence of computer games on school success. Experience of experimental research]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 80 s.
7. Nikolaeva E.S. *Problemnoe pole sovremennoy sem'i. Materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii MGGU im. M.A. Sholokhova, 18–19 iyunya* [Problem field of the modern family. Materials of the I International Scientific and Practical Conference of Moscow State University of M.A. Sholokhova], June 18-19, 2015, pp. 151–155.
8. Novikova A.A. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2009. V. 2. № 7, pp. 212–214.
9. Nurgalina R.G., Il'ina E.A. *Informatsiya i obrazovanie: granitsy kommunikatsiy* [Actual problems of humanities and natural sciences]. 2012, pp. 377–380.
10. Pakhomova V.G. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2017. V. 22. № 5, pp. 49–56.
11. Rubinshteyn S.L. *Izbrannyye filosofsko-psikhologicheskiye trudy (Os-novy ontologii, logiki i psikhologii)* [Selected philosophical and psychological works (Os-novy ontology, logic and psychology)]. M.: Nauka, 1997.
12. Sorokoumova E.A. Nikolaeva E.S. *Sotsial'nyy komp'yuting: osnovy, tekhnologii razvitiya, sotsial'no-gumanitarnyye efekty: Materialy Chetvertoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Social computing: fundamentals, development technologies, social and humanitarian effects: Proceedings of the Fourth International Scientific and Practical Conference] / Ed. E.V. Brodovskaya. M., 2015, pp. 196–202.
13. Sorokoumova E.A. *Sotsiokul'turnaya determinatsiya subektov obrazovatel'nogo protsessa: sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii XI Levitovskie chteniya v MGOU* [Socio-cultural determination of the subjects of the educational process: a collection of materials of the international conference XI Levitic readings at MGOU]. 2016, pp. 98–101.

14. Chekulay I.V., Prokhorova O.N. *Problemy lingvistiki i lingvo-didaktiki. Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh statey* [Problems of Linguistics and Linguistic Didactics. International collection of scientific articles]. Belgorod, 2016, pp. 164–177.
15. Shutova N.V., Baranova Yu.M. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014. № 6. P. 1526.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Жеребненко Оксана Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
oxa1976@ya.ru

Кузнецова Людмила Борисовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
ludkuznetsova@mail.ru

Москаленко Светлана Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
moskalenko_sv@bsu.edu.ru

Балыков Вячеслав Витальевич, студент 3 курса факультета иностранных языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
1112382@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Zherebnenko Oksana Aleksandrovna, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Psychology
Belgorod state national research University
85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation
oxa1976@ya.ru

Kuznetsova Lyudmila Borisovna, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Psychology
Belgorod state national research University
85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation
ludkuznetsova@mail.ru

Moskalenko Svetlana Valeryevna, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Psychology
Belgorod state national research University
85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation
moskalenko_sv@bsu.edu.ru

Balykov Vyacheslav Vitalievich 3-year Student of the Faculty of Foreign Languages
Belgorod state national research University
85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation
1112382@bsu.edu.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-2-55-69
УДК 159.99 : 376.42

ПРОГРАММА СОПРОВОЖДЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА

*Кисляков П.А., Удодов А.Г., Дубровинская Е.И.,
Карташев В.П.*

В статье представлено описание авторской программы сопровождения обеспечения социально-психологической безопасности детей с нарушениями интеллекта, обучающихся в школе-интернате VIII вида.

Объектом исследования выступили дети с нарушениями интеллекта. Предметом исследования – особенности формирования у детей с интеллектуальными нарушениями социально-психологической безопасности.

Методологическую основу составили подходы специальной психологии (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, О. Шпек).

Результаты работы. Комплексное психолого-педагогическое сопровождение обеспечения социально-психологической безопасности детей с нарушениями интеллекта отражает содержание психолого-педагогических задач (целевая функция) и технологии их решения (инструментальная функция) направленных на уменьшение внутренних и внешних факторов риска. Целевыми функциями являются: социальная и психологическая адаптация, личностно-развивающая, функция социальной поддержки и психолого-педагогической помощи, профилактическая и коррекционная функция. Психолого-педагогическими задачами являются формирование умений и навыков безопасного поведения и противостояния опасностям за счет развития соответствующих социальных навыков, психических, физических и когнитивных способностей, установления реального и более комфортного контакта с социальной (в том числе городской и

образовательной) средой, что способствует обеспечению индивидуальной защищенности и психосоциального благополучия, поддержке душевного равновесия, развитию гармоничной личности, облегчению адаптации к социальной среде, коррекции факторов риска дизонтогенеза. Программа включает в себя содержательный, технологический и диагностический модули. В основу конструирования учебной информации в области безопасности нами положен принцип инегративности – межпредметная кооперация учебных предметов; сочетание обязательных базовых курсов и внеучебной воспитательной и коррекционной работы. Технологическое обеспечение включало в себя следующие методы обучения: интерактивные (психотехники развития личности, субъективности); игровые (ролевые игры); эвристические (анализ конкретных ситуаций). Программа включала следующие внеаудиторные мероприятия: программа «Безопасное колесо», спортивный праздник «День защиты детей», военно-спортивная игра «Зарница», программа «Православие – путь к духовной безопасности русского человека и русского народа».

Область применения: система специального образования.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение; социально-психологическая безопасность; дети с нарушениями интеллекта.

THE PROGRAM SUPPORT SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL SAFETY OF CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

Kislyakov P.A., Udodov A.G., Dubrovinskaya E.I., Kartashev V.P.

The article presents a description of the author's program to support the social and psychological safety of children with intellectual disabilities enrolled in boarding school of VIII kind.

The object of the study were children with intellectual disabilities. The subject of research – features of formation to children with intellectual disabilities the social and psychological safety.

The methodological base are the special psychology (L.S. Vygotsky, S.L. Rubinstein, A. Speck).

The results. *Complex psychological and pedagogical support of social and psychological safety of children with intellectual disabilities reflects the content of psychological and pedagogical tasks (target function) and technologies of their solution (instrumental function) aimed at reducing internal and external risk factors. The target functions are: social and psychological adaptation, personal and developmental, the function of social support and psychological and pedagogical assistance, preventive and correctional function. Psycho-pedagogical objectives are the formation of skills of safe behavior and confront the dangers through the development of appropriate social skills, mental, physical and cognitive abilities, establishing a real and more comfortable with social contact (including municipal and educational) environment, thereby ensuring individual protection and psychosocial well-being, support emotional balance, development of harmonious personality, to facilitate adaptation to the social environment, correction of risk factors of dysontogenesis. The program includes informative, technological and diagnostic modules. The basis for the construction of educational information in the field of security is based on the principle of integratively – interdisciplinary cooperation of academic subjects; a mix of mandatory core classes and extra-curricular and remedial work. Technological support included the following teaching methods: interactive (psychotechnical personality development, subjectivity); gaming (role-playing); heuristic (analysis of specific situations). The program included the following extracurricular activities: the program “Safe wheel”, sports festival “Children’s day”, military sports game “Zarnitsa”, the program “Orthodoxy-the way to the spiritual safety of the Russian people”.*

Scope: *the system of special education.*

Keywords: *psychological and pedagogical support; social and psychological security; children with intellectual disabilities.*

Обеспечение социально-психологической безопасности обучающихся понимается нами как активная деятельность учителей, пси-

хологов, социальных педагогов, направленная на проектирование и реализацию психолого-педагогического сопровождения и способствующего формированию у обучающихся социальных навыков по противодействию и предупреждению реальных и прогнозируемых внутренних и внешних угроз социального характера. Комплексное психолого-педагогическое сопровождение обеспечения социально-психологияеской безопасности детей с нарушениями интеллекта отражает содержание психолого-педагогических задач (целевая функция) и технологии их решения (инструментальная функция) направленных на уменьшение внутренних и внешних факторов риска. Целевыми функциями являются: социальная и психологическая адаптация, личностно-развивающая, функция социальной поддержки и психолого-педагогической помощи, профилактическая и коррекционная функция. Психолого-педагогическими задачами являются формирование умений и навыков безопасного поведения и противостояния опасностям за счет развития соответствующих социальных навыков, психических, физических и когнитивных способностей, установления реального и более комфортного контакта с социальной (в том числе городской и образовательной) средой, что способствует обеспечению индивидуальной защищенности и психосоциального благополучия, поддержке душевного равновесия, развитию гармоничной личности, облегчению адаптации к социальной среде, коррекции факторов риска дизонтогенеза [1, 2, 3]. К инструментальным функциям относятся: диагностическая и организаторская. Эти функции обеспечивают выявление имеющих у детей проблем и факторов риска, установление оптимальных отношений, прогнозирование и отслеживание позитивных изменений, а также организацию комплекса организационных и учебных, профилактических и коррекционных мероприятий, способствующих обеспечению социальной безопасности ребенка с нарушениями интеллекта.

В соответствии с ФГОС образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) нами определены следующие задачи формирования безопасного поведения

и обеспечения социально-психологической безопасности детей с нарушениями интеллекта:

- формирование навыков ориентировки в ближайшем окружении и возможности более широкой жизненной ориентации, обеспечения безопасности жизнедеятельности;
- формирование умений безопасного поведения в окружающей среде и простейших умений поведения в экстремальных (чрезвычайных) ситуациях;
- формирование установки на сохранение и укрепление здоровья, навыков здорового и безопасного образа жизни.

Данные целевые ориентиры положены нами в основу проектирования содержания психолого-педагогического сопровождения обеспечения социально-психологической безопасности детей с интеллектуальными нарушениями.

Нами разработана программа психолого-педагогического сопровождения социально-психологической безопасности детей с интеллектуальными нарушениями. Программа внедрена на базе школы-интерната VIII вида». Программа включает в себя содержательный, технологический и диагностический модули.

Содержательный модуль психолого-педагогического сопровождения социально-психологической безопасности подростков с интеллектуальными нарушениями составляет содержание образования или образовательный маршрут по освоению знаний, умений и навыков обеспечения безопасности, который в свою очередь реализуется посредством образовательных технологий (технологический модуль). В основу конструирования учебной информации в области безопасности нами положен принцип инегративности – межпредметная кооперация учебных предметов; гибкое сочетание обязательных базовых курсов и внеучебной воспитательной и коррекционной работы.

В содержание курса «Основы безопасности жизнедеятельности» нами введены разделы:

1. Человек, среда его обитания, безопасность человека
 - 1.1. Город как среда обитания. Правила поведения на улицах и дорогах.

- 1.2. Жилище человека, особенности жизнеобеспечения жилища.
- 1.3. Особенности природных условий в городе.
- 1.4. Взаимоотношения людей, проживающих в городе, и безопасность.
- 1.5. Основы безопасности жизнедеятельности человека.
2. Опасные ситуации социального характера.
 - 2.1. Криминогенные ситуации и личная безопасность.
 - 2.2. Обеспечение личной безопасности дома.
 - 2.3. Обеспечение личной безопасности на улице.
 - 2.4. Безопасный интернет.

На занятиях реализовывалось технологическое обеспечение формирования социально-психологической безопасности, включающее обучение подростков способам и средствам обеспечения безопасности жизнедеятельности в социальной (в т.ч. городской) среде, сохранения и укрепления здоровья в нормальных условиях жизнедеятельности и условиях чрезвычайной, кризисной ситуации.

Технологическое обеспечение включало в себя следующие методы обучения: интерактивные (психотехники развития личности, субъективности); игровые (ролевые игры); эвристические (анализ конкретных ситуаций).

К эвристическим методам можно отнести анализ конкретных ситуаций (решение ситуационных задач), который представляет собой глубокое и детальное исследование в учебном процессе реальной или искусственной обстановки, выполняемое для того, чтобы выявить ее характерные свойства. Система таких ситуаций позволяет представить содержание обучения в динамике и обеспечить объективные предпосылки для развития потребности в сохранении своей безопасности и безопасности других [4]. Основная цель решения ситуационных задач состоит в приобретении подростком опыта принятия решений при внезапно возникшей экстремальной ситуации, или если она неотвратима в ближайшее время.

Применение метода анализа конкретных ситуаций должно отвечать следующим методическим требованиям:

- проектируемая деятельность в экстремальной ситуации должна состоять из действий, по своей психологической структуре одинаковых с действиями, совершаемыми в реальной обстановке;
- в учебной деятельности необходимо создать систему действий направленных на тренировку внимания, восприятия, памяти и мышления;
- задачей учебной деятельности является формирование не только автоматизированных действий, но и тех психофизиологических механизмов, которые способствуют активации свойств психики, осуществляющих адаптацию организма к любой вариантности условий деятельности;
- в процессе учебной деятельности необходимо учитывать взаимоотношения «человек – социальная среда»;
- учебная деятельность должна включать задачи, направленные на развитие таких функций психики, как познавательная, регулятивная, коммуникативная, прогностическая.

По содержанию различают четыре основных вида учебных ситуаций: ситуации иллюстрации, ситуации-упражнения, ситуации-оценки, ситуации проблемы.

Ситуация-иллюстрация представляет собой демонстрацию конкретного примера из практики, в котором проявляются закономерности и механизмы действий людей, типовые алгоритмы решения задач. Она может предъявляться обучающимся в виде видеофрагмента, доклада, набора фрагментов (фотографии, интернет-ресурсы и пр.) в форме выступления приглашенных специалистов.

Ситуация-упражнение решается при помощи обращения к учебнику или рабочей тетради.

Ситуация-проблема предполагает решение проблемной задачи, которая реально стояла или стоит в жизни, с последующим обсуждением причин и последствий данных опасных ситуаций, а также возможностей их предупреждения.

Применение ситуационных задач с использованием метода ролевых игр позволяет каждому ребенку проявить инициативу, самостоятельность; стимулирует их к применению методов решения

проблемы на основе личных знаний и жизненного опыта. Каждый ребенок должен быть субъектом собственной жизни, иметь собственную позицию, взять на себя ответственность за правильность своих действий. Во время решения таких задач подростки учатся учитывать множество различных факторов, таких как интенсивное дорожное движение, негативно настроенные люди и т.д. Результатом решения ситуационных задач может стать свод инструкций по нормам социально безопасного поведения.

В процессе обучения используются технологии психической регуляции эмоционального и психофизиологического состояния, необходимые для предупреждения экстремальных ситуаций, снижения социальной напряженности, агрессивности и тревожности: техника управляемого дыхания, управление вниманием, регуляция мышечного стереотипа, создание чувствительных образов и др.

Опираясь на принцип комплексности развития личности мы включили в программу психолого-педагогического сопровождения социально-психологической безопасности подростков с интеллектуальными нарушениями программы внеучебной работы, способствующие развитию у обучающихся сензитивности к угрозам, коммуникативных навыков, самооценки, выступающих ресурсами социальной безопасности.

Программа сопровождения обеспечения социально-психологической безопасности детей с нарушениями интеллекта включала следующие внеаудиторные мероприятия:

1. Программа «Безопасное колесо». Программа включала групповые и индивидуальные занятия с детьми и их родителями, направленные на пропаганду безопасного поведения на дорогах, профилактику детского дорожно-транспортного травматизма, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни (1 час в неделю). Занятия способствовали формированию у обучающихся навыков ориентировки на дороге, безопасного поведения в различных дорожно-транспортных ситуациях (включая скорость реакции, ответственность, внимательность), навыки фигурного вождения велосипеда, навыки оказания первой медицинской помощи при ДТП.

2. Спортивный праздник «День защиты детей». Программа праздника включала подвижные игры по станциям «Вместе все получится», которые были направлены на развитие у детей физических, эмоционально-волевых качеств, навыков социального взаимодействия посредством адаптивной физической культуры.

3. Военно-спортивная игра «Зарница». Групповая игра-соревнование с детьми и их родителями, направленная на формирование культуры здорового и безопасного образа жизни через занятия военно-прикладными видами спорта. Игра способствовала формированию у обучающихся навыков использования средств индивидуальной и коллективной защиты, навыков координации на местности, выносливости и навыков преодоления трудностей, умений действовать в экстремальных ситуациях, умений оказывать первую медицинскую помощь. Воспитанники получили навыки взаимодействия в команде.

В основу работы с детьми по формированию безопасного поведения положен личностно-ориентированный подход и индивидуальное сопровождение ребенка тьютором, подготовленным из числа студентов-волонтеров. Для формирования тьюторских умений студенты прошли подготовку по программе «Личный тренер», включающей модуль «Безопасное поведение в социуме». Подбор пар «тьютор – ребенок» осуществляется на основе учета опыта его работы с детьми, степени совпадений данных психолого-педагогической диагностики каждого, а также желания заниматься друг с другом. Подготовленные студенты-волонтеры совместно с преподавателем вуза обеспечивают условия соблюдения принципа индивидуализации в дозировке объема, интенсивности, времени отдыха, корректировке движений в работе с детьми [5].

4. Программа «Православие – путь к духовной безопасности русского человека и русского народа». Программа включала серию мероприятий, направленных на духовно-нравственное воспитание детей: знакомство с основами православной культуры, историей и традициями проведения православных праздников, развитие нравственных качеств личности и творческих способностей детей.

В результате внедрения на базе коррекционной (специальной) школы-интерната VIII вида программы психолого-педагогического сопровождения обеспечения социально-психологической безопасности подростков с интеллектуальными нарушениями были получены следующие практические результаты, свидетельствующие о ее эффективности: в течение учебного года обучающиеся активно участвовали во внеучебных мероприятиях, посвященных вопросам безопасного поведения (всего приняло участие около 80 подростков); проведенные мероприятия позволили улучшить психологический климат в классах, повысить групповую сплоченность, снизить проявление агрессивности.

Наши наблюдения и заключения социального педагога и психолога школы показали, что в ходе экспериментальной работы положительные изменения претерпели личностные качества обучающихся выступающие ресурсами их социальной безопасности, а именно коммуникативные навыки, психологическая устойчивость, самооценка, мотивация к избеганию неудач и рискованного поведения.

В целом проведенная работа позволяет говорить о том, что социально-психологическая безопасность подростка выступает как одно из проявлений его развития как индивида, личности и субъекта деятельности (учебной, коммуникативной), повышения уровня его социальных навыков и психологической готовности. Обеспечение безопасности личности – это освоение социального опыта в целях его дальнейшего применения для решения учебных, бытовых задач, связанных с сохранением жизни, укреплением здоровья.

Разработанная и апробированная нами программа психолого-педагогического сопровождения социально-психологической безопасности подростков с нарушениями интеллекта позволяет подойти к обоснованию психолого-педагогических условий, при которых обеспечивается успешность достижения поставленных целей.

Организационно-управленческие условия связаны с реализацией в школе комплексной системы образования в области социальной безопасности, включая формирование психологически безопасной среды. К данным условия относятся следующие:

- многосубъектность системы проектирования и реализации в школе системы образования в области социальной безопасности (учитель-предметник, социальный педагог, психолог);
- организация непрерывного мониторинга состояния образовательной среды школы с целью выявления социально опасных явлений; а также психологического мониторинга развития у обучающихся личносно и социально важных качеств, определяющих особенность эмоциональной сферы, степень сформированности социальных навыков, необходимых для реализации безопасного поведения;
- комплексирование учебной и воспитательной работы в области социальной безопасности.

Социально-психологические условия определяют особенности воздействия на личность обучающегося с целью обеспечения его социальной безопасности и включают:

- учет индивидуальных особенностей (образа жизни, факторов риска дизонтогенеза и пр.) и психологических качеств (психологическая устойчивость, коммуникативные способности, сензитивность к угрозам, самооценка и пр.);
- гуманизацию образования, которая способствует воспитанию у обучающихся гуманных качеств, разностороннему проявлению и гармоничному развитию всех способностей личности.

Содержательно-технологические условия направлены на создание педагогической системы обучения подростков правилам безопасности и ее научно-методическое обеспечение. Нами установлено, что обеспечение безопасности подростков с интеллектуальными нарушениями обеспечивается, если соблюдаются следующие содержательно-технологические условия:

- расширение содержания образования в области социальной безопасности в соответствии с индивидуальными особенностями обучающихся и факторами риска окружающей среды;
- внедрение образовательных технологий на основе личносно-развивающего, личносно-ориентированного обучения (ситуационные задачи, ролевые игры, психотехники).

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-36-01088 «Социально-психологическое обеспечение безопасности детей и подростков с нарушениями интеллекта в условиях мегаполиса».

Список литературы

1. Кисляков П.А., Феофанов В.Н., Шмелева Е.А., Силаева О.А. Социально-психологическая безопасность подростков с интеллектуальными нарушениями в образовательных организациях различных типов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2017. Т. 8. № 8. С. 85–98.
2. Колосова Т.А. Особенности копинг-поведения и механизмов психологической защиты умственно отсталых подростков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 10. № 31. С. 189–194.
3. Шмелева Е.А., Правдов М.А., Кисляков П.А., Корнев А.В. Психолого-педагогическое сопровождение развития и коррекции психофункциональных и физических способностей в процессе социализации детей с интеллектуальной недостаточностью // Теория и практика физической культуры. 2016. № 3. С. 41–43.
4. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А., Пономаренко В.А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: психологический аспект. Минск: Университетское, 1985. 206 с.
5. Шмелева Е.А., Кисляков П.А. Тьюторство в социально-образовательной инклюзии детей с ограниченными возможностями здоровья // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. С. 358.

References

1. Kislyakov P.A., Feofanov V.N., Shmeleva E.A., Silaeva O.A. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal)*. [Russian Journal of Education and Psychology], 2017, T. 8, no. 8, pp. 85–98. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-8-85-98> (accessed February 17, 2018).

2. Kolosova T.A. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science.], 2007, T. 10, no 31, pp. 189–194.
3. Shmeleva E.A., Pravdov M.A., Kislyakov P.A., Kornev A.V. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury* [Theory and practice of physical culture], 2016, no. 3, pp. 41–43.
4. Dyachenko M.I., Kandybovich L.A., Ponomarenko V.A. *Gotovnost k deyatelnosti v napryazhennykh situatsiyakh: psikhologicheskiy aspekt* [Readiness to work in tense situations: psychological aspect]. Minsk, 1985. 206 p.
5. Shmeleva E.A., Kislyakov P.A. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2016, no. 6. <http://science-education.ru/ru/article/view?id=25644> (accessed February 17, 2018).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кисляков Павел Александрович, заведующий кафедрой психологии труда и специальной психологии, доктор психологических наук, доцент

*Российский государственный социальный университет
ул. Лосиноостровская, 24, г. Москва, 107150, Российская Федерация
pask.81@mail.ru*

Удодов Алексей Геннадьевич, доцент кафедры психологии труда и специальной психологии, кандидат педагогических наук

*Российский государственный социальный университет
ул. Лосиноостровская, 24, г. Москва, 107150, Российская Федерация
ido-alex@yandex.ru*

Дубровинская Екатерина Игоревна, доцент кафедры психологии труда и специальной психологии, кандидат психологических наук

*Российский государственный социальный университет
ул. Лосиноостровская, 24, г. Москва, 107150, Российская Фе-
дерация
deldongo@mail.ru*

Карташев Валерий Пантелеевич, доцент кафедры адаптивной физической культуры и рекреации, кандидат биологических наук, профессор
*Российский государственный социальный университет
ул. Лосиноостровская, 24, г. Москва, 107150, Российская Фе-
дерация
kvrmos@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kislyakov Pavel Aleksandrovich, Head of the Department of Labor Psychology and Special Psychology, Doctor in Psychology, Docent
*Russian State Social University
24, Losinoostrovskaya Str., Moscow, 107150, Russian Federation
pack.81@mail.ru
SPIN-code: 1375-5625
ORCID: 0000-0003-1238-9183
ResearcherID: E-4701-2016
Scopus Author ID: 56348736600*

Udodov Aleksey Gennadevich, Docent of the Department of Labor Psychology and Special Psychology, PhD in Pedagogy
*Russian State Social University
24, Losinoostrovskaya Str., Moscow, 107150, Russian Federation
udo-alex@yandex.ru
SPIN-code: 3994-9194
Scopus Author ID: 57194102744*

Dubrovinskaya Ekaterina Igorevna, Docent of the Department of Labor Psychology and Special Psychology, PhD in Psychology

Russian State Social University

24, Losinoostrovskaya Str., Moscow, 107150, Russian Federation

deldongo@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6280-5590

SPIN-code: 6573-2929

Scopus Author ID: 56669745300

Kartashev Valeriy Panteleevich, Docent of the Department of Adap-

tive Physical Education and Recreation, PhD in Biology, Professor

Russian State Social University

24, Losinoostrovskaya Str., Moscow, 107150, Russian Federation

kvpmos@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8539-5264

SPIN-code: 6284-4890

Scopus Author ID: 57073261500

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-2-70-83

УДК 159.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬЮ И ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ СТУДЕНТОВ

Корягина Т.М.

Цель. Статья посвящена исследованию взаимосвязи между интернет-зависимостью и личностными особенностями студентов. Приведен анализ ранее опубликованных работ по данной проблематике в отечественной и зарубежной психологии, а также результаты собственного эмпирического исследования.

Методология проведения работы. Метод теоретического анализа литературы по проблеме исследования; эмпирические методы исследования: шкала интернет-зависимости (CIAS), программный продукт TUT (Tarnow Unchankble Test), шкала локуса контроля Дж. Роттера, опросник эмоциональной эмпатии А. Мехрабиан, М. Эпштейн; диагностика потребности в поисках ощущений М. Цукерман, опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, шкала психологического благополучия К. Рифф; методы математико-статистической обработки данных (дисперсионный, корреляционный, факторный анализы).

Результаты. Исследование показало, что интернет-зависимость оказывает комплексное воздействие на развитие личности. Были выявлены существенные различия психологических характеристик зависимых и независимых от Интернета испытуемых.

Область применения результатов. Полученные результаты помогут уточнить научные представления о природе, логике формирования и развития интернет-зависимости, обозначают направления для создания модели профилактики интернет-зависимости.

Ключевые слова: интернет-зависимость; развитие личности; психологическое здоровье; цифровое общество.

THE RELATIONSHIP BETWEEN INTERNET ADDICTION AND STUDENTS' PERSONALITY CHARACTERISTICS

Koryagina T.M.

Purpose. *The article is devoted to the relationship between internet addiction and students' personality characteristics. The analysis of researches, published before in home and foreign psychology and the results of personal empirical study are reported.*

Methodology. *Theoretical analysis of the problem of study; empirical research methods: Chen Internet Addiction Scale (CIAS), Tarnow Unchankble Test, Rotter's Locus of Control Scale, Emotional Empathy Questionnaire by A. Mehrabian & M. Epstein, Sensation Seeking Scale by M. Zuckerman, Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI); mathematical methods of statistics (dispersion, correlation and factor analysis).*

Results. *The research shows that internet-dependence influences on the personality development. The essential differences in psychological characteristics between internet-dependent and internet-independent persons under the test were found out.*

Practical implications. *The received results help to specify scientific belief about the nature, formation and development logic of Internet addiction, also the ways to creation of Internet addiction prophylaxis model.*

Keywords: *Internet addiction; personality development; psychological health; digital society.*

Введение

Последние 20 лет неуклонно растет число пользователей Интернета как среди взрослого населения, так и среди детей. Согласно исследованиям Фонда Развития Интернет, в России каждый пятый ребенок предпринимает безуспешные попытки уменьшить время пребывания в Сети и испытывает чувство дискомфорта при невозможности быть on-line [4]. Вопрос о пагубном влиянии интернет-технологий на здоровье людей все еще остается открытым, но уже

имеются научно-обоснованные факты влияния Интернета на различные его сферы (в том числе на психологическое здоровье).

Обзор литературы

В настоящее время интернет-зависимость определяют как страстию непосредственно к Интернету и к его конкретным специфическим функциям (R.A. Davis, 2001); патологическое увлечение Интернетом, нарушение контроля влечения нехимического генеза (K.S. Young, 1996); «доброкачественное расстройство», направленное на компенсацию недостатков поведения в реальной жизни (A.S. Hall & J. Parsons, 2001); серьезное расстройство, имеющее не только психологические, но и физиологические последствия (M. Orzack, 1998); компульсивное желание войти в Интернет, находясь off-line, и невозможность выйти из Интернета, находясь on-line (М.И. Дрепа, 2009).

В научной литературе рассматривается влияние интернет-зависимости на три сферы развития личности: физическую, психологическую и социальную.

Как показывают научные исследования, число жалоб на физическое здоровье прямо пропорционально количеству времени, проводимому за компьютером ежедневно. Наиболее распространены такие жалобы как сухость в глазах, ухудшающееся зрение, боль в шее, пояснице и запястьях. В долгосрочной перспективе интернет-зависимость может привести к серьезным проблемам со здоровьем: ухудшению осанки и боли в спине [9], физиологической дисфункции, ослабленному иммунитету, увеличивается риск тромбоза, нейроциркулярной дистонии, возникает дефицит физической энергии [11, 3].

Негативное влияние чрезмерного использования Интернет распространяется на социальную жизнь индивидов. Наблюдается снижение мотивации людей к взаимодействию друг с другом, что приводит не только к проблемам межличностного общения в будущем, но и к депрессивным состояниям [12], к чувству одиночества, снижению социальных навыков и ухудшению психического здоровья в целом [10, 15].

Была обнаружена взаимосвязь между интернет-зависимостью и синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) [6]. Подростки, страдающие СДВГ, имеют аномальную активность мозга и проблемы с самоконтролем, что приводит к еще большему вовлечению в Интернет и отказу от других форм деятельности [7, 17].

Выявлено влияние интернет-зависимости на локус контроля личности. Исследование В. Rotsztein (2003) показало, что у интернет-зависимых пользователей гораздо чаще встречается завышенный балл по шкале «экстернальность» [16].

Исследования эмоциональной сферы людей, страдающих интернет-зависимостью, показали ее взаимосвязь с депрессивными расстройствами [13]. Было обнаружено негативное влияние чрезмерного использования Интернета на психологическое благополучие [14].

Отечественные исследователи обнаружили эмоциональную неустойчивость, низкий самоконтроль, робость, тревожность, неуверенность в себе, низкий уровень агрессии у интернет-зависимых. Были сделаны выводы о преимущественной интровертности интернет-зависимой личности, что противоречит результатам зарубежных ученых [5].

В России было проведено масштабное исследование ценностных ориентаций людей, страдающих интернет-зависимостью, которое обнаружило Интернет-зависимым подросткам не свойственно обдумывание своего будущего, они ориентированы на получении удовольствия «здесь и теперь» [2].

И.М. Захарова обнаружила, что высокая степень автономности в саморегуляции деятельности связана со снижением уровня интернет-зависимости, а интернет-зависимой личности свойственно предпочтение духовного развития в виртуальном мире и перенос значимых сфер жизни в онлайн пространство [1].

Однако, существуют исследования, опровергающие информацию о патогенности онлайн пространства. По результатам исследования, проведенного в 2006 году среди учащихся средней школы, чрезмерное увлечение Интернетом не оказывает негативного влияния на со-

циальную адаптацию и коммуникативные навыки [8], обнаружена обратная значимая взаимосвязь между чрезмерным использованием Интернета и социальной изоляцией: пользователь, чрезмерно использующий Интернет, приобретает высоко развитые социальные навыки [19], показаны положительные эффекты от использования Интернет: облегчение депрессии и чувства одиночества, развитое чувство собственного достоинства и высокая способность к социализации. Установлено, что интернет-серфинг заставляет мозг работает интенсивнее, чем при чтении книг и способен эффективно стимулировать мозговую деятельность людей среднего и пожилого возраста, что открывает для науки новые перспективы в вопросе профилактики деменции [18].

Постановка задачи

Поскольку до настоящего времени в науке не сложилось единого мнения в отношении феномена интернет-зависимости, а спектр точек зрения широк: от полного отрицания специфичности интернет-аддикции (в сравнении с другими видами аддиктивного поведения) до максимальной аггравации его последствий, одной из важнейших исследовательских задач, на наш взгляд, является поиск и изучение оптимального и достаточного числа ее специфических характеристик, четкое определение содержания, структуры данного поведенческого расстройства, что позволит сформировать четкий взгляд на его природу, логику формирования и развития.

Цель настоящего исследования – изучение влияния интернет-зависимости на развитие личности.

Согласно гипотезе исследования, интернет-зависимость – это чрезмерное использование Интернета и навязчивое желание быть on-line, которое сопровождается изменениями личности на когнитивном, эмоциональном, волевом, ценностно-смысловом, мотивационном уровнях в виде нарушения познавательных процессов, эмоциональной неустойчивости, проблем с самоконтролем, снижения мотивации к достижениям, пересмотру ценностей в пользу виртуального пространства.

Описание исследования

На разных этапах (2014–2017 гг.) в исследовании приняли участие 713 студентов очного отделения университета (432 женщины и 281 мужчина, средний возраст 18,6 лет).

Уровень интернет-зависимости участников исследования измерялся с помощью русскоязычной версии шкалы интернет-зависимости Чена (CIAS) в адаптации В.Л. Малыгина и К.А. Феклисова. Комплекс личностных характеристик изучался с помощью следующих методов: рабочая память – программный продукт TUT (Tarnow Unchankble Test), разработчик – Avalon Business Systems, шкала локуса контроля Дж. Роттера (когнитивные стили деятельности); опросник эмоциональной эмпатии А. Мехрабиан, М. Эпштейн (эмоциональная сфера); диагностика потребности в поисках ощущений М. Цукерман (мотивационно-потребностная сфера); опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (психологическое время личности); шкала психологического благополучия К. Рифф (психологическое благополучие). Математико-статистическая обработка данных производилась и использованием программного пакета «SPSS Statistics» версия 20.0.

На основе результатов, полученных с помощью шкалы интернет-зависимости (CIAS), респонденты были разделены на три группы: «зависимых», «склонных к формированию зависимости» и «не зависящих» от интернета. С помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA были обнаружены значимые различия по шкалам психологического благополучия (управление средой, автономия, цель в жизни, баланс аффекта, самопринятие, осмысленность жизни), временной перспективы (негативное прошлое и гедонистическое настоящее), объему рабочей памяти.

При оценке психологического благополучия респондентов были сделаны следующие выводы: для интернет-зависимых студентов более значимы оценки окружающих; они склонны полагаться на третьих лиц в принятии решений; испытывают трудности в организации повседневной деятельности и лишены чувства контроля над происходящим; имеют меньше целей или намерений, чем независи-

мые от интернета студенты; испытывают дефицит перспектив или убеждений, определяющих смысл жизни. У интернет-зависимых чаще, чем у представителей двух других групп присутствует недовольство собой, разочарование событиями прошлого, беспокойство по поводу некоторых личных качеств, ощущение собственной никчёмности и бессилия, уровень самопринятия попадает в нижнюю границу нормативных значений (рис. 1).

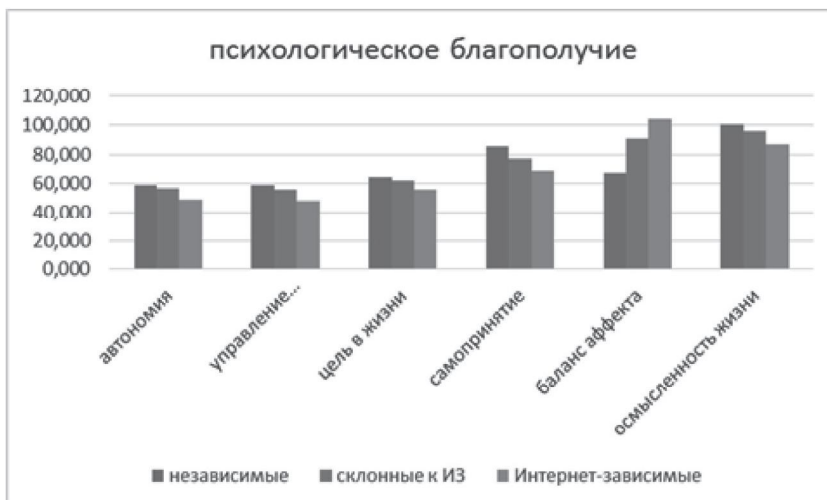

Рис. 1. Психологическое благополучие студентов

Временная перспектива у зависимых от Интернета характеризуется восприятием своего прошлого как полного разочарований и сфокусированностью на гедонистическом настоящем (получении удовольствия «здесь и теперь»).

Исследование рабочей памяти показало, что показатели памяти интернет-зависимых студентов оказались существенно ниже, чем у независимых и склонных к формированию зависимости. Суть эксперимента заключалась в запоминании предложенного числового ряда и последующем его воспроизведении. Количество воспроизведенной информации у интернет-зависимых студентов в различных пробах 56,6–70% (показатели для выборки независимых – 90–93,3%).

Следует отметить, что по целому ряду личностных характеристик, связанных с эмоционально-волевой сферой личности, значимых различий в группах выявить не удалось. Это может быть связано как с недостаточной объективностью использованных самооценочных методик, так и с очевидным отсутствием различий в группах.

Корреляционный анализ позволил обнаружить структурно-содержательные особенности личности ИЗ лиц. Как показал анализ, личностные характеристики интернет-зависимых студентов более тесно сопряжены с показателями интернет-зависимости (29 статистически значимых корреляций). Для сравнения в группах независимых от интернета и склонных к формированию зависимости студентов было выделено по 11 связей.

Таблица 1.

Корреляции шкал интернет-зависимости с личностными характеристиками интернет-зависимых студентов

	компульс.	синдром отмены	толерантн	личн. проблемы	контроль времени	ИЗ
личн.рост	-,701*	-,410	-,831**	-,615*	-,378	-,727**
цель в жизни	-,623*	-,356	-,682*	-,591*	-,243	-,628*
самопринятие	-,659*	-,607*	-,139	-,446	-,417	-,594*
психол. благоп.	-,676*	-,522	-,369	-,513	-,366	-,629*
баланс аффекта	,734**	,699*	,420	,614*	,521	,771**
осмысленность	-,689*	-,419	-,483	-,559	-,291	-,625*
нег. прошлое	,618*	,437	,130	,409	,552	,565
гедон. настоящее	,341	,635*	,429	,261	,371	,493
будущее	-,539	-,385	-,621*	-,753**	-,191	-,653*
фатал. наст.	,715**	,437	,732**	,704*	,528	,793**
потребн. в ощущ.	-,010	,226	-,685*	-,069	,339	-,001

Примечание: ИЗ – интернет-зависимость.

Ведущими в системе личностных характеристик интернет-зависимых студентов являются показатели личностного роста, целей в жизни, баланса аффекта (они связаны с тремя из пяти шкал CIAS), единственной шкалой интернет зависимости, которая не прокоррелировала ни с одной из исследуемых личностных характеристик, оказалась шкала контроля времени. Можно предположить, что этот

параметр интернет зависимости в большей мере обусловлен навыками самоменеджмента, чем личностными особенностями респондентов.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу и позволило сделать следующие выводы: интернет-зависимость сопровождается комплексом личностных изменений, проявляющихся на когнитивном уровне в виде нарушения внимания и уменьшения объема рабочей памяти; на эмоциональном уровне в виде снижения уровня психологического благополучия; на волевом уровне в виде ощущения собственной никчемности и бессилия, отсутствия контроля над происходящим; на ценностно-смысловом уровне в виде нарушения временной перспективы, замедления темпов личностного роста и саморазвития; на мотивационном уровне в виде слабого осознания жизненных целей и перспектив.

Таким образом, чрезмерное использование Интернета оказывает влияние на все сферы развития личности, что требует от ученых комплексного подхода к исследованию интернет-зависимости на всех уровнях.

Информация о конфликте интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве.

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Захарова И.М. Специфика ценностей юношей и девушек, склонных к «Интернет-зависимости», в аспекте саморегуляции деятельности // Известия Самарского научного центра РАН, 2014. №2-2. С. 333–338. <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-tsennostey-yunoshey-i-devushek-sklonnyh-k-internet-zavisimosti-v-aspekte-samoregulyatsii-deyatelnosti> (дата обращения 30.12.2017).
2. Малыгин В.Л., Меркурьева Ю.А., Искандирова А.Б., Пахтусова Е.Е., Прокофьева А.В. Особенности ценностных ориентаций у подрост-

- ков с интернет-зависимым поведением // Медицинская психология в России, 2015. №. 4 (33). С. 9. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsennostnyh-orientatsiy-u-podrostkov-s-internet-zavisimym-povedeniem> (дата обращения 28.12.2017).
3. Пережогин Л.О., Вострокнутов Н.В. Нехимические зависимости в детской психиатрической практике // Российский психиатрический журнал, 2009. Т. 4. С. 86–91. <http://drlev.ru/tr/vak12.pdf> (дата обращения 30.01.2018).
 4. Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России. 2012. <http://www.psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-in-Russia.pdf> (дата обращения 04.01.2018).
 5. Спиркина Т.С. Личностные особенности пользователей сети Интернет, склонных к интернет-зависимости // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №60. С. 473–478. <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-polzovateley-seti-internet-sklonnyh-k-internet-zavisimosti> (дата обращения 04.01.2018).
 6. Douglas V.I., Parry P.A. Effects of reward and nonreward on frustration and attention in attention deficit disorder. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 1994, vol.22, pp.281–302. DOI: 10.1007/BF02168075.
 7. Fattahi Bayat S. Investigation the effects of new communication technologies (internet, games and satellite) on social education with emphasis of compatibility of Tehran high school students. Tehran: University of Alzahra, 2006.
 8. Flisher C. Getting plugged in: an overview of internet addiction. *Journal of paediatrics and child health*, 2010, Т. 46, no.10, pp. 557–559. DOI: 10.1111/j.1440-1754.2010.01879.x
 9. Gross E.F. Adolescent Internet use: What we expect, what teens report. *Journal of applied developmental psychology*, 2004, Т. 25, no.6, pp. 633–649. DOI: 10.1016/j.appdev.2004.09.005.
 10. Ha J.H., Yoo H.J., Cho I.H., Chin B., Shin D., Kim J.H. Psychiatric comorbidity assessed in Korean children and adolescents who screen positive for Internet addiction. *Journal of Clinical Psychiatry*, 2006, Т. 67, no. 5, p. 821. DOI: 10.4088/JCP.v67n0517

11. Healy B., Levin E., Perrin K., Weatherall M., Beasley R. Prolonged work- and computer-related seated immobility and risk of venous thromboembolism. *Journal of the Royal Society of Medicine*, 2010, T.103. no.11, pp. 447-454. DOI: 10.1258/jrsm.2010.100155.
12. Karimzadeh N. Investigating the relationship between Internet addiction and strengthening students' social skills. *Educational Research and Reviews*, 2015, T. 10, no. 15, p. 2146. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2005.02.005 (дата обращения 30.01.2018).
13. Kim K., Ryu E., Chon M.Y., Yeun E.J., Choi S.Y., Seo J.S., Nam B.W. Internet addiction in Korean adolescents and its relation to depression and suicidal ideation: a questionnaire survey. *International journal of nursing studies*, 2006, T. 43, no. 2, pp. 185–192. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2005.02.005.
14. Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukophadhyay T., Scherlis W. Internet paradox: a social technology that reduces social involvement and psychological wellbeing? *American psychologist*, 1998, T. 53, no. 9, p.1017. DOI: 10.1037/0003-066X.53.9.1017.
15. Marshall J. The Sexual Life of Cyber-Savants. *The Australian Journal of Anthropology*, 2003, T. 14, no. 2, pp. 229-248. DOI: 10.1111/j.1835-9310.2003.tb00232.x.
16. Rotsztein B. Problem Internet use and locus of control among college students: Preliminary findings. Presented at the 35th Annual Conference of the New England Educational Research Organization Portsmouth, New Hampshire, 2003. <http://www.rotsztein.com/downloads/internetresearch.pdf> (дата обращения 30.01.2018).
17. Rubia K., Smith A.B., Brammer M.J., Toone B., & Taylor E. Engelberg E., Sjoberg L. Abnormal brain activation during inhibition and error detection in medication-naive adolescents with ADHD. *American Journal of Psychiatry*, 2005, T. 162, no.6, pp. 1067–1075. DOI: 10.1176/appi.ajp.162.6.1067.
18. Small G.W., Moody T.D., Siddarth P., Bookheimer S.Y. Your brain on Google: patterns of cerebral activation during internet searching. *The American Journal of Geriatric Psychiatry*, 2009, T. 17, no. 2, pp. 116–126. DOI: 10.1097/JGP.0b013e3181953a02.

19. Soleymani A., Farahati M. The impact of excessive internet use on communication skills and mental health in cafe Internet users. *International Journal of School Health*, 2014, T. 1, no. 2. DOI: 10.17795/intjsh-23524.

References

1. Zaharova I.M. Specifika cennostej junoshej i devushek, sklonnyh k «Internet-zavisimosti», v aspekte samoreguljacii dejatel'nosti [The values specificity of youths and girls inclined to «internet-dependence» in the aspect of self-regulation activity]. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2014. №2–2, pp. 333–338. <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-tsennostey-yunoshey-i-devushek-sklonnyh-k-internet-zavisimosti-v-aspekte-samoregulyatsii-deyatelnosti> (accessed December 30.2017).
2. Malygin V.L., Merkur'eva Ju.A., Iskandirova A.B., Pahtusova E.E., Prokof'eva A.V. Osobennosti cennostnyh orientacij u podrostkov s internet-zavisimym povedeniem [Specific features of value orientations in adolescents with Internet addictive behavior]. *Medicinskaja psihologija v Rossii*, 2015. №. 4 (33). P. 9. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsennostnyh-orientatsiy-u-podrostkov-s-internet-zavisimym-povedeniem> (accessed December 28.2017).
3. Perezhogin L.O., Vostroknutov N.V. Nehimicheskie zavisimosti v detskoj psihiatricheskoj praktike [Non-chemical addictions in pediatric psychiatric practice]. *Russian Journal of Psychiatry*, 2009. T. 4, pp. 86–91. <http://drlev.ru/tr/vak12.pdf> (accessed January 30.2018).
4. Soldatova G., Rasskazova E., Zotova E., Lebesheva M., Roggendorf P. *Deti Rossii onlajn* [Children of Russia online]. The results of the international project EU Kids Online II in Russia. 2012. <http://www.psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-in-Russia.pdf> (accessed January 04.2018).
5. Spirikina T.S. Lichnostnye osobennosti pol'zovatelej seti Internet, sklonnyh k internet-zavisimosti [The personality characteristics of the Internet users inclined to internet-addiction]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008. №60, pp. 473–478. <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-polzovateley-seti-internet-sklonnyh-k-internet-zavisimosti> (accessed January 04.2018).

6. Douglas V.I., Parry P.A. Effects of reward and nonreward on frustration and attention in attention deficit disorder. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 1994, vol.22, pp. 281–302. DOI: 10.1007/BF02168075.
7. Fattahi Bayat S. Investigation the effects of new communication technologies (internet, games and satellite) on social education with emphasis of compatibility of Tehran high school students. Tehran: University of Alzahra, 2006.
8. Flisher C. Getting plugged in: an overview of internet addiction. *Journal of paediatrics and child health*, 2010, V. 46, no.10, pp. 557-559. DOI: 10.1111/j.1440-1754.2010.01879.x.
9. Gross E.F. Adolescent Internet use: What we expect, what teens report. *Journal of applied developmental psychology*, 2004, V. 25, no.6, pp. 633-649. DOI: 10.1016/j.appdev.2004.09.005.
10. Ha J.H., Yoo H.J., Cho I.H., Chin B., Shin D., Kim J.H. Psychiatric comorbidity assessed in Korean children and adolescents who screen positive for Internet addiction. *Journal of Clinical Psychiatry*, 2006, V. 67, no. 5, p. 821. DOI: 10.4088/JCP.v67n0517.
11. Healy B., Levin E., Perrin K., Weatherall M., Beasley R. Prolonged work- and computer-related seated immobility and risk of venous thromboembolism. *Journal of the Royal Society of Medicine*, 2010, V.103. no.11, pp. 447–454. DOI: 10.1258/jrsm.2010.100155.
12. Karimzadeh N. Investigating the relationship between Internet addiction and strengthening students' social skills. *Educational Research and Reviews*, 2015, V. 10, no. 15, p. 2146. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2005.02.005 (accessed January 30.2018).
13. Kim K., Ryu E., Chon M.Y., Yeun E.J., Choi S.Y., Seo J.S., Nam B.W. Internet addiction in Korean adolescents and its relation to depression and suicidal ideation: a questionnaire survey. *International journal of nursing studies*, 2006, V. 43, no. 2, pp. 185–192. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2005.02.005.
14. Kraut R., Patterson M., Lundmark V., Kiesler S., Mukophadhyay T., Scherlis W. Internet paradox: a social technology that reduces social involvement and psychological wellbeing? *American psychologist*, 1998, V. 53, no. 9, p.1017. DOI: 10.1037/0003-066X.53.9.1017.

15. Marshall J. The Sexual Life of Cyber-Savants. *The Australian Journal of Anthropology*, 2003, V. 14, no. 2, pp. 229–248. DOI: 10.1111/j.1835-9310.2003.tb00232.x.
16. Rotsztein B. Problem Internet use and locus of control among college students: Preliminary findings. *Presented at the 35th Annual Conference of the New England Educational Research Organization Portsmouth, New Hampshire*, 2003. <http://www.rotsztein.com/downloads/internetresearch.pdf> (accessed January 30.2018).
17. Rubia K., Smith A.B., Brammer M.J., Toone B., & Taylor E. Engelberg E., Sjöberg L. Abnormal brain activation during inhibition and error detection in medication-naïve adolescents with ADHD. *American Journal of Psychiatry*, 2005, V. 162, no.6, pp. 1067-1075. DOI: 10.1176/appi.ajp.162.6.1067.
18. Small G.W., Moody T.D., Siddarth P., Bookheimer S.Y. Your brain on Google: patterns of cerebral activation during internet searching. *The American Journal of Geriatric Psychiatry*, 2009, V. 17, no. 2, pp. 116-126. DOI: 10.1097/JGP.0b013e3181953a02.
19. Soleymani A., Farahati M. The impact of excessive internet use on communication skills and mental health in cafe Internet users. *International Journal of School Health*, 2014, V. 1, no. 2. DOI: 10.17795/intjsh-23524.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Корыгина Татьяна Максимовна, аспирант кафедры психологии
*Государственный социально-гуманитарный университет
ул. Зеленая, 30, г. Коломна, 140410, Российская Федерация
tm.semina@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Koryagina Tatyana Maksimovna, Postgraduate
*University of Humanities and Social Studies
30, Zelyonaya St., Kolomna, Moscow Region, 140410, Russian
Federation
tm.semina@yandex.ru
SPIN-code: 5675-8899*

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-2-84-93
УДК 159.9.072

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕЗАДАПТИРОВАННЫХ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ АДДИКЦИИ

Мурашкин М.М.

Цель. Статья посвящена актуальной теме в рамках современной парадигмы учебной миграции. Предметом анализа является психологическое сопровождение иностранных студентов, как фактор влияния на их дезадаптированность. В качестве цели выступает коррекция дезадаптивного поведения иностранных студентов с проявлениями аддикции.

Методология и методы работы. Фундаментом исследования является интегративный подход в психотерапевтической работе, теории социальной психологии малой группы, мультикультуральное направление в области арт-терапии и др. Основу психологического сопровождения составляет социально-психологический тренинг; поведенческая терапия; арт-терапия; ролевые игры; межкультурные мероприятия.

Результаты исследования. Статья содержит результаты теоретического анализа подходов к изучению адаптационного процесса иностранных студентов к новым условиям социокультурной среды. Представлены результаты апробации программы социально-психологического сопровождения дезадаптированных иностранных студентов с проявлениями аддикции. В апробации программы приняло участие 42 иностранных студента в составе экспериментальной группы.

Область применения результатов. Основные выводы и результаты исследования могут быть использованы администрацией вузов в качестве воспитательной работы с иностранными студентами.

Ключевые слова: социально-психологическое сопровождение; дезадаптированный иностранный студент; адаптация; аддикция; социально-психологический тренинг.

PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF DENADAPTED FOREIGN STUDENTS WITH MANIFESTATIONS OF ADDICTION

Murashkin M.M.

Purpose. *The article is devoted to the actual topic within the framework of the modern paradigm of educational migration. The subject of the analysis is the psychological accompaniment of foreign students, as a factor of influence on their disadaptation. The goal is to correct the disadaptive behavior of foreign students with manifestations of addiction.*

Methodology and methods of work. *The foundation of the research is an integrative approach in psychotherapeutic work, the theory of social psychology of a small group, a multicultural trend in the field of art therapy, etc. The basis of psychological support is socio-psychological training; behavioral therapy; art therapy; role-playing games; intercultural activities.*

Results of the research. *The article contains the results of a theoretical analysis of approaches to studying the adaptation process of foreign students to the new conditions of a sociocultural environment. The results of approbation of the program of social and psychological support for de-adapted foreign students with manifestations of addiction are presented. Approximately 42 foreign students participated in the testing of the program as part of the experimental group.*

Scope of the results. *The main conclusions and results of the study can be used by the administration of higher education institutions as an educational work with foreign students.*

Keywords: *socio-psychological support; de-adapted foreign student; adaptation; addiction; socio-psychological training.*

Проблема миграции в последние годы стала особо актуальной. Особый вопрос стоит в миграционных потоках, целью которых является получение высшего образования. Данный аспект получил осмысление в исследованиях многих российских ученых (С.К. Бондырева, В.В. Гриценко, В.В. Константинов, Т.Г. Дичев, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, Н.Д. Султанова, О.Е. Хухлаев, О.А. Шарова, А.И. Щепина и др.). Ситуация, когда молодой человек-мигрант поступает в учебное заведение и становится студентом, рассматривается исследователями как сложная стрессогенная ситуация, сопровождающаяся переживанием конфликта между привычными для молодежи нормами и ценностями, характерными для той среды, которую он покинул, и нормами и ценностями, характерными для новой социальной среды.

Адаптация определяется как постоянный процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды и как результат этого процесса. Результатом адаптации является адаптированность мигранта к новым социокультурным особенностям, принятие новых условий, установление взаимоотношений, необходимых для жизнедеятельности и оптимизации самочувствия.

В работах, посвященных изучению особенностей адаптации студентов-мигрантов, отмечается, что процесс их адаптации характеризуется на начальном этапе «стрессом аккультурации». Результатом данного процесса является дезадаптация, депрессивные состояния, повышение агрессии и различные негативные психоэмоциональные проявления, аддиктивное поведение.

В современной психологической науке проведен ряд исследований, посвященных проблеме адаптации мигрантов:

- социально-психологическое сопровождение процесса адаптации детей-мигрантов в условиях образовательного учреждения Н.И.Ковалевой [1];
- структурно-функциональные характеристики вузовской адаптации студентов Юркиной М.С. [7];
- научно-практические основы психолого-педагогического сопровождения социально-психологической адаптации подростков-мигрантов Сапожниковой И.С. [6];

Представленные научные труды и другие исследования в большинстве случаев посвящены изучению адаптации мигрантов школьного возраста, либо особенностям адаптации трудовых мигрантов и студентов-мигрантов. Существуют исследования, которые описывают реализацию программ сопровождения иностранных студентов вуза [3, 4]. Но, проведенный анализ научно-исследовательской литературы показал, что работ, посвященных изучению социально-психологического сопровождения дезадаптированных студентов с различными проявлениями аддикции, на данный момент нет.

Проблема дезадаптации иностранных студентов в новых социокультурных и межличностных пространствах в российских ВУЗах, приобретает большое значение по причине того, что происходит увеличение количества иностранных студентов, обучающихся в России. В этой связи, от того, насколько эффективно иностранные студенты интегрируются в образовательное пространство российского ВУЗа будет складываться и морально-психологическая обстановка в студенческой среде и преодоление коммуникативных барьеров с представителями новой культуры, а также адаптация к быту, климату и языку. Такие исследования могут быть рассмотрены в контексте предотвращения угроз национальной безопасности (распространение экстремистской идеологии, популяризация наркогенной субкультуры), что особенно актуально в современной России [2].

Общее число испытуемых нашего исследования составило 470 иностранных и русскоговорящих студентов 1–2 курсов (из Туркменистана, Узбекистана, Киргизстана, Таджикистана), обучающихся в Пензенском государственном университете. Исследование включает в себя несколько этапов: первый этап – теоретический. Проведен анализ научно-исследовательской литературы по рассматриваемой проблеме; осуществлены постановка и обоснование проблемы, выдвинута цель, сформулированы задачи и гипотезы, отобраны методики для дальнейшего эмпирического исследования, разработана программа социально-психологического сопровождения дезадаптированных студентов с проявлениями аддикции.

Второй этап исследования – первичная диагностика, с целью выявления уровня адаптивности и аддиктивного поведения. Диагностика студентов в вузе определялась по следующим методикам: методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд в адаптации А.К. Осницкого), многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин), тест «Склонность к зависимому поведению» В.Д. Менделевича, опросник адаптации личности к новой культурной среде (тест Л.В. Янковского, адаптированный В.В. Контантиновым), а также методы экспертных оценок и анализ личных дел иностранных студентов. На основании замеров адаптированности (низкий или высокий уровень), мы выделили 2 группы: контрольную (группа адаптированных иностранных студентов 1 курса без аддикции – 50 человек в возрасте от 19 до 22 лет) и экспериментальную (дезадаптанты с наличием аддикции – 42 иностранных студента 1 курса в возрасте от 18 до 22 лет).

Анализируя результаты, можно отметить, что для экспериментальной группы характерно: социально-психологическая дезадаптация, повышенный уровень аддиктивности, свойственна интернальность, замкнутость, отчужденность и депрессивность, низкий уровень самовосприятия и эмоционального комфорта, низкий уровень контроля и коммуникативных способностей. Иностранные студенты испытывают потребность в защите и ухода от действительности с помощью употребления алкоголя, что в дальнейшем провоцирует стремление к увеличению остроты ощущений. На следующем этапе мы работали с экспериментальной группой в рамках психокоррекционной работы.

Третий этап исследования – формирующий; этап опытно-экспериментальной работы, заключающийся в апробации разработанной программы социально-психологического сопровождения адаптации «Мы вместе».

Цель программы – коррекция дезадаптивного поведения иностранных студентов с проявлениями аддикции.

Поставленная цель достигается следующими задачами:

1) познакомить иностранных студентов с многообразием социально-психологических культурно-воспитательных программ Пензенского государственного университета;

2) повысить у иностранных студентов уровень самопринятия, а также изменить установки и ценностную сферу с целью снижения уровня аддиктивности;

3) сформировать умения и навыки ассертивного и адаптивного поведения.

Также, в рамках программы происходит межкультурное взаимодействие и межкультурная коммуникация в процессе обучения иностранных студентов в российском вузе.

Фундаментом программы социально-психологического сопровождения дезадаптивного поведения иностранных студентов служат: социальная психология малой группы (Л.И. Уманский, А.С. Чернышов, В.В. Сарычев, К. Рудестам); интегративный подход в психотерапевтической работе (Г. Пауль, М. Эриксон,), мультикультуральное направление в области арт-терапии (Л. Турнер-Шиклер, Н. Хеуш, Ф. Эддридж, Д. Юрт) и др.

Основная стратегия программы состоит в создании условий, обеспечивающих оптимизацию процесса адаптации иностранных студентов с проявлениями аддикции.

В программе психологического сопровождения адаптации «Мы вместе» приняли участие иностранные студенты, обучающиеся на 1-м первом курсе вуза в составе экспериментальной группы (42 человека) и контрольной группы (50 человек). Формирующий эксперимент проходил в экспериментальной группе. Программа реализовывалась в группе, так как групповая работа является наиболее эффективной для развития ценностно-смысловой сферы; адаптивного и ассертивного поведения. Групповая работа проводилась каждую неделю на протяжении нескольких месяцев.

В описанных выше исследованиях, в программах по адаптации мигрантов, основной акцент делается либо на учебно-образовательный процесс вуза (организация учебного процесса, языковой барьер, взаимоотношения с педагогическим коллективом), либо на условия проживания и приспособления (проживание, питание), либо

на психологические особенности самих студентов (социокоммуникативный и социокультурный барьеры) [1, 3, 4, 5, 6].

Разработанная нами программа «Мы вместе» интегрирует все основные компоненты, необходимые для оптимизации адаптации иностранных студентов в процессе ежедневного взаимодействия с субъектами различных сфер жизнедеятельности новой среды и включает в себя:

- социально-психологические тренинг;
- поведенческая терапия;
- арт-терапия;
- ролевые игры;
- межкультурные мероприятия: «Диалог культур», «Мисс мира» и т.д.

Для сравнения различий в уровне развития дезадаптивного поведения иностранных студентов с проявлениями аддикции, до и после проведения программы, испытуемым экспериментальной и контрольной групп были повторно предъявлены тестовые методики. Для статистической обработки результатов был использован Т-критерий Вилкоксона.

Средние показатели (в баллах) значительно повысились в экспериментальной группе по следующим шкалам: уровень адаптивности повысился на 3,04 балла, уровень принятия себя и других повысился на 1,75 баллов, нервно-психическая устойчивость изменилась на 1,06 баллов, эмоциональный комфорт – на 2,3 балла, коммуникативные способности и интерактивность – на 2,75. При этом снизился уровень отчужденности на 1,14 баллов, депрессивности на 1,05 баллов и уровень аддикции на 1,12 баллов. Сравнив средние баллы показателей по шкалам: ностальгия и моральная нормативность, у испытуемых экспериментальной группы, мы можем сказать, что различия незначительны (0,08 и 0,9 соответственно).

Изменения в контрольной группе студентов не значительны и не подтверждаются статистически.

Достоверность различий в особенностях социально-психологической адаптации и склонности к аддиктивному поведению до и после коррекционного воздействия подтверждена с помощью критерия Вилкоксона ($T_{эмт.} < T_{кр.}$ при $p < 0,05$).

Таким образом, комплексная программа социально-психологического сопровождения «Мы вместе» оказывает позитивное воздействие на коррекцию дезадаптации иностранных студентов с проявлениями аддикции. Комплекс созданных мероприятий позволил включиться иностранным студентам в российское принимающее сообщество посредством развития у них социально-личностных качеств через социально-культурную деятельность вуза. У иностранных студентов снизился уровень аддиктивного поведения, уровень депрессивности и отчужденности. При этом повысился уровень социально-психологической адаптации, нервно-психической устойчивости, уровень принятия себя и других, изменился эмоциональный комфорт и улучшились коммуникативные способности, способствующие межличностной коммуникации в различных социальных группах.

Таким образом, разработанная и апробированная нами программа является эффективным средством психологического сопровождения адаптационного процесса у иностранных студентов с проявлениями аддикции, повышает их адаптивность, коммуникативные способности, интерактивность, снижает уровень отчужденности, депрессивности и аддикции.

Список литературы

1. Ковалева Н.И. Социально-психологическое сопровождение процесса адаптации детей-мигрантов в условиях образовательного учреждения: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. М., 2010. 24 с. Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-05/dissertaciya-sotsialno-psihologicheskoe-soprovozhdenie-protssesa-adaptatsii-detey-migrantov-v-usloviyah-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniya>
2. Konstantinov V. The Role of the Host Local Population in the Process of Migrants' Adaptation // Soc. Sci. 2017, 6, 92. doi: 10.3390/socsci6030092
3. Konstantinov V. The Homeland Separation as an Example of a Social and Psychological Migration-Related Problem // Indian Journal of Science and Technology. 2017, Vol. 10, Issue 27. doi: 10.17485/ijst/2017/v10i27/108774

4. Романова С.А. Теоретические основы программы психологического сопровождения иностранных студентов вуза // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области, № 5. Челябинск, 2014. С. 114–117.
5. Поздняков И.А. Проблемы адаптации иностранных студентов в России в контексте педагогического сопровождения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, № 121. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 161–167.
6. Сапожникова И.С. Научно-практические основы психолого-педагогического сопровождения социально-психологической адаптации подростков-мигрантов: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. Ростов-на-Дону, 2007. 24 с. Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-07/dissertaciyaapsihologicheskaya-adaptatsiya-podrostkov-migrantov-kak-komponent-bezopasnosti-munitsipalnogo-obrazovatel'nogo-prostranstva>
7. Юркина М.С. Структурно-функциональные характеристики вузовской адаптации студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. Ярославль, 2015. 25 с. Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-05/dissertaciya-strukturno-funktsionalnye-harakteristiki-vuzovskoy-adaptatsii-studentov>

References

1. Kovaleva N.I. *Sotsial'no-psihologicheskoe soprovozhdenie protsessa adaptatsii detey-migrantov v usloviyakh obrazovatel'nogo uchrezhdeniya* [Socio-psychological support of the process of adaptation of migrant children in the conditions of an educational institution]. М., 2010. 24 p. <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-05/dissertaciya-sotsialno-psihologicheskoe-soprovozhdenie-protsessa-adaptatsii-detey-migrantov-v-usloviyakh-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniya>
2. Konstantinov V. The Role of the Host Local Population in the Process of Migrants' Adaptation. *Soc. Sci.* 2017, 6, 92. doi: 10.3390/socsci6030092
3. Konstantinov V. The Homeland Separation as an Example of a Social and Psychological Migration-Related Problem. *Indian Journal of Science and Technology.* 2017, Vol. 10, Issue 27. doi: 10.17485/ijst/2017/v10i27/108774

4. Romanova S.A. *Vestnik soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti*, № 5. Chelyabinsk, 2014, pp. 114–117.
5. Pozdnyakov I.A. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, № 121. SPb., 2010, pp. 161–167.
6. Sapozhnikova I.S. *Nauchno-prakticheskie osnovy psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii podrostkov-migrantov* [Scientific and practical basis of psychological and pedagogical support of socio-psychological adaptation of adolescent migrants]. Rostov-on-Don, 2007. 24 p. <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-07/dissertaciya-psihologicheskaya-adaptatsiya-podrostkov-migrantov-kak-komponent-bezopasnosti-munitsipalnogo-obrazovatel'nogo-prostranstva>
7. Yurkina M.S. *Strukturno-funktsional'nye kharakteristiki vuzovskoy adaptatsii studentov* [Structural and functional characteristics of university adaptation of students]. Yaroslavl', 2015. 25 p. <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-05/dissertaciya-strukturno-funktsionalnye-kharakteristiki-vuzovskoy-adaptatsii-studentov>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мурашкин Михаил Михайлович, аспирант кафедры «Общая психология»
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
ул. Красная, 40, г. Пенза, Пензенская обл., 440026, Российская Федерация
mura58penza@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Murashkin Mikhail Mikhailovich, Post-Graduate Student of the Department “General Psychology”
Penza State University
40, Krasnaya Str., Penza, Penza Region, 440026, Russian Federation
mura58penza@mail.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-2-94-104
УДК 159.9.075

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДИТЕЛЬСТВЕ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Мухтарова А.Х.

Цель. Статья посвящена изучению когнитивных аспектов семейного самоопределения в юношеском возрасте. В работе представлены результаты эмпирического исследования, целью которого является выявление взаимосвязи сформированности показателей когнитивного компонента семейного самоопределения в юношеском возрасте.

Метод или методология проведения работы. В исследовании применялись теоретические (анализ литературы), эмпирические методы, а также методы математической статистики.

Результаты работы. Эмпирически было установлено, что в юношеском возрасте среди составляющих когнитивного компонента семейного самоопределения у юношей и девушек сформированы образы «Я – будущая мать», «Я – будущий отец», что свидетельствует о положительном отношении к родительству.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены на курсах «Психология семейного самоопределения» и «Психология семьи», а также в качестве материала для разработки рекомендаций по развитию когнитивного компонента семейного самоопределения в юношеском возрасте.

Ключевые слова: семейное самоопределение; юношеский возраст; брачно-семейные ценности; когнитивный аспект семейного самоопределения.

IMAGES OF PARENTHOOD OF YOUNG MEN AND WOMEN

Mukhtarova A.Kh.

Purpose. The article is devoted to the study of cognitive aspects of family self-determination of young men and women. The author presents

the results of empirical research, which has its purpose to identify the correlation of family self-determination indexes of young people.

Methodology. *The basis of the research are theoretical (analysis of literature), empirical and mathematical methods (mathematic statistics).*

Results. *It was empirically confirmed that such aspect of family self-determination as images of future mother and future father are completely formed, which signifies that young men and women's attitude to the future parenthood is positive.*

Practical implications. *The results of the research can be used as the additional material on such disciplines as "Family Psychology" and "Psychology of Family Self-determination" as well as the basis for recommendations for young people about how to develop their family self-determination.*

Keywords: *family self-determination; young age; marriage and family values; the cognitive aspect of family self-determination.*

Введение

В современном мире, с развитием новых технологий, общественных и политических изменений, такой социальный институт как – семья претерпевает большие изменения. Семейное самоопределение, как одно из важнейших видов самоопределения, устанавливает отношение юношей и девушек к браку, супружеству, отцовству и материнству. Семейное самоопределение определяется как многоэтапный активный и осознанный процесс конструирования во временной перспективе образа семьи («моя семья», «моя будущая семья», «идеальная семья»), в основе которого лежит структурирование системы ценностных ориентаций, обретение смысла детско-родительских и супружеских отношений, развитие способности к произвольной регуляции и рефлексии [9]. Когнитивный компонент семейного самоопределения, как один из наиболее значимых наряду с ценностно-эмоциональным, регулятивно-поведенческим, мотивационным, рефлексивным компонентами, определяется наличием необходимого диапазона знаний о жизнедеятельности современной семьи, мотивированным желанием и умением их получать, и включает в себя образы «Я – будущий семьянин», состоящий из образов «Я – будущий муж/жена», «Я – будущий

отец/мать», «Я – хозяин/хозяйка», «Я – сын/дочь», и представлений о брачном партнере, состоящих из образов «идеальный муж/жена», «идеальный отец/мать» [9].

Увеличение числа разводов, увеличение количества неполных семей указывает на тот факт, что семейное самоопределение, а точнее когнитивный его аспект, развито в недостаточной степени. Актуальность предмета исследования заключается в том, что современному обществу необходимо принимать во внимание и при необходимости развивать семейное самоопределение юношей и девушек.

Изучением представлений о семье, семейных ценностях, семейного самоопределения занимались О.А. Карабанова [2], [3], С.В. Мерзлякова [6], [7], [8], [9], [10], [15], Р.К. Карнеев и др. В отечественной и зарубежной психологии исследованием когнитивного аспекта семейного самоопределения занимались, Змановская Е.В. [1], Карташова Т.Е. [4], [5], Поспелова Т.Г. [11], Grolnick W.S. [14], Ryan R.M. [16], Deci E.L. [12], Fan R. [13] и др.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе Астраханского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ.

В исследовании приняли участие 63 студента, из которых 18 юношей и 45 девушек в возрасте 17–21 год.

Для достижения поставленной цели нами были выдвинуты и решались следующие задачи:

- 1) изучить представления юношей об отцовстве;
- 2) изучить представления девушек о материнстве.

При проведении исследования нами были использованы следующие диагностические методики:

- модифицированный вариант методики семантического дифференциала, разработанный Ч. Осгудом;
- «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева;
- опросник Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах»;
- методика «Незаконченные предложения».

Результаты исследования

Для решения поставленных задач были использованы следующие математико-статистические методы обработки данных, включающие в себя вычисление описательных статистик, критерия Колмогорова-Смирнова для одной выборки и ранговую корреляцию Спирмена. Все расчеты выполнялись с помощью компьютерной программы IBM SPSS Statistics 21.

С помощью критерия Колмогорова-Смирнова для одной выборки мы проверили нормальность распределения количественных переменных (см. табл. 1). Установлено, что распределение переменных идеальная мама, моя мама, я – будущая мама, идеальный отец, мой отец, заботливость и счастье значительно отличается от нормального закона.

Таблица 1.

Проверка нормальности распределения

Переменные	Значение Z-критерия	Уровень значимости
<i>Идеальная мама ценность</i>	2,074	0,000
<i>Моя мама ценность</i>	2,138	0,000
<i>Я – будущая мама / папа</i>	2,053	0,000
<i>Идеальный отец ценность</i>	1,781	0,004
<i>Мой отец ценность</i>	1,358	0,050
Внешняя привлекательность	1,275	0,077
Выполнение обязанностей ценность	1,016	0,254
<i>Заботливость ценность</i>	1,405	0,039
Ответственность ценность	0,698	0,715
Терпеливость ценность	0,808	0,532
Трудолюбие ценность	0,761	0,609
Уважение другому человеку ценность	0,738	0,647
Уравновешенность ценность	0,543	0,930
Эмпатия ценность	0,818	0,515
Приятный человек ценность	1,017	0,252
<i>Счастье</i>	1,704	0,006
Самоактуализация	0,710	0,694
Угроза	0,890	0,406
Неприятность	0,912	0,376

Таблица 2.

Особенности представлений о материнстве в юношеском возрасте

Переменные		Значение коэффициента корреляции Спирмена	Уровень значимости	Ранг качества
<i>Идеальная мама</i>	Внешняя привлекательность	0,274*	0,030	4
	Выполнение обязанностей	0,261*	0,039	6
	Заботливость	0,424**	0,001	1
	Ответственность	0,347**	0,005	3
	Терпеливость	-0,009	0,947	
	Трудолюбие	0,271*	0,031	5
	Уважение к другому человеку	0,365**	0,003	2
	Уравновешенность	0,161	0,207	
	Эмпатия	0,075	,557	
<i>Моя мама</i>	Внешняя привлекательность	0,238	0,060	
	Выполнение обязанностей	0,180	0,157	
	Заботливость	0,398**	0,001	4
	Ответственность	0,292*	0,020	6
	Терпеливость	0,107	0,402	
	Трудолюбие	0,182	0,152	
	Уважение к другому человеку	0,402**	0,001	3
	Уравновешенность	0,303*	0,016	5
	Эмпатия	0,048	0,711	
	Приятный человек	0,650**	0,000	1
Идеальная мама	0,483**	0,000	2	
<i>Я – будущая мама</i>	Внешняя привлекательность	0,406**	0,006	7
	Выполнение обязанностей	0,371*	0,012	
	Заботливость	0,652**	0,000	2
	Ответственность	0,469**	0,001	6
	Терпеливость	0,092	0,548	
	Трудолюбие	0,404**	0,006	8
	Уважение к другому человеку	0,674**	0,000	1
	Уравновешенность	0,372*	0,012	9
	Эмпатия	0,086	0,573	
	Счастье	0,640**	0,000	3
	Самоактуализация	0,314*	0,036	10
	Угроза	-0,140	0,358	
	Неприятность	-0,383**	0,009	11
	Идеальная мама	0,498**	0,000	4
Моя мама	0,477**	0,001	5	

Примечания: * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01.

Для переменных, значение которых значимо отличается от нормального закона ($p \leq 0.05$), определяющие особенности представлений о материнстве в юношеском возрасте, вычислим коэффициент ранговой корреляции Спирмена, и проранжируем качества в соответствии со значением коэффициента (табл. 2).

Таким образом, образ идеальной матери в юношеском возрасте связан с заботливостью, уважением к другому человеку, ответственностью, внешней привлекательностью, трудолюбием и выполнением обязанностей. Собственную мать юноши и девушки расценивают как приятного человека, идеальную маму, заботливого, уравновешенного, ответственного человека, который с уважением относится к окружающим. В отношении образа «Я – будущая мать» у девушек значимыми оказались переменные идеальная мама, заботливость, уважение к другому человеку, ответственность, внешняя привлекательность, трудолюбие, выполнение обязанностей, уравновешенность, самоактуализация. Отрицательную корреляцию показали переменные «Я – будущая мама» и «неприятность», что свидетельствует о том, что девушки, принимавшие участие в исследовании, не придают материнству отрицательную оценку.

Вычислим коэффициент ранговой корреляции Спирмена, и проранжируем качества, определяющие особенности представлений об отцовстве в юношеском возрасте, в соответствии со значением коэффициента (табл. 3).

Из табл. 3 видно, что в юношеском возрасте образ идеального отца связан, в первую очередь, с заботливостью, выполнением обязанностей, трудолюбием, ответственностью, уравновешенностью и уважением к другому человеку. «Мой отец» представляется юношам и девушкам как человек, уважающий других людей, приятный, склонный к эмпатии, уравновешенный, заботливый, ответственный, выполняющий обязанности, терпеливый человек. Стоит также отметить, что в результате исследования отметилась положительная корреляционная связь между переменными «мой отец» и «идеальный отец», что свидетельствует о том, что юноши и девушки оценивают своих отцов как идеальных и наделенных положительными качествами.

Таблица 3.

Особенности представлений об отцовстве в юношеском возрасте

Переменные		Значение коэффициента корреляции	Уровень значимости	Ранг качества
Идеальный отец	Внешняя привлекательность	0,209	0,101	
	Выполнение обязанностей	0,482**	0,000	2
	Заботливость	0,577**	0,000	1
	Ответственность	0,341**	0,006	4
	Терпеливость	0,224	0,077	
	Трудолюбие	0,455**	0,000	3
	Уважение к другому человеку	0,429**	0,000	6
	Уравновешенность	0,336**	0,007	5
Мой отец	Эмпатия	0,182	0,153	
	Внешняя привлекательность	0,225	0,076	
	Выполнение обязанностей	0,260*	0,040	8
	Заботливость	0,339**	0,007	6
	Ответственность	0,292*	0,020	7
	Терпеливость	0,256*	0,043	9
	Трудолюбие	0,214	0,092	
	Уважение к другому человеку	0,440**	0,000	2
	Уравновешенность	0,352**	0,005	5
	Эмпатия	0,368**	0,003	4
	Приятный человек	0,418**	0,001	3
Идеальный отец	0,446**	0,000	1	
Я – будущий отец	Внешняя привлекательность	0,537*	0,022	2
	Выполнение обязанностей	0,103	0,685	
	Заботливость	0,269	0,280	
	Ответственность	0,507*	0,032	4
	Терпеливость	0,418	0,084	
	Трудолюбие	0,394	0,106	
	Уважение к другому человеку	0,479*	0,045	5
	Уравновешенность	0,291	0,242	
	Эмпатия	0,374	0,126	
	Счастье	0,318	0,198	
	Самоактуализация	0,515*	0,029	3
	Угроза	-0,444	0,065	
	Неприятность	-0,495*	0,037	6
Идеальный отец	0,276	0,267		
Мой отец	0,768**	0,000	1	

Примечания: * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01.

У юношей в отношении переменной «Я – будущий отец» выявилась положительная корреляционная связь на уровне переменных «мой отец», «внешняя привлекательность», «самоактуализация», ответственность и уважение к другому человеку. Таким образом, для молодых людей в представлении себя как будущих отцов важно быть внешне привлекательными, ответственными, уважающими других людьми, похожими на своих отцов, т.к. на основании ранжирования переменных было выделено, что переменная «мой отец» является первостепенной.

Заключение

Таким образом, сравнивая представления о материнстве и отцовстве, а также образы «идеальная мама», «идеальный отец», «Я – будущая мама», «Я – будущий отец», можно сделать вывод о том, что у юношей и девушек совпадают представления об идеальном отце/ матери; в отношении образа «мой отец» и «моя мама» были определены некоторые особенности – в частности, образ «мой отец» юноши и девушки наделяют большим количеством положительных качеств и большей ответственностью, нежели образ «моя мама». В отношении образа «Я – будущая мама» и «Я – будущий отец» девушки характеризовали себя как более ответственных, заботливых будущих родителей, чем юноши. Стоит отметить, что и в отношении образа «Я – будущая мама» и «Я – будущий отец» выделилась отрицательная корреляционная связь с переменной «неприятность», что говорит о том, что ни юноши, ни девушки, не рассматривают собственное будущее материнство/ отцовство как нечто неприятное.

Список литературы

1. Змановская Е.В., Карташова Т.Е. Структура и содержание брачно-семейных установок современной молодежи // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. №. 12. С. 222–226.
2. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. Гардарики, 2004. С. 320.

3. Карабанова О.А., Трофимова О.В. Роль родительской семьи в формировании образа будущей семьи // Современная российская семья: психологические проблемы и пути их решения: монография. Астрахань: ИД «Астраханский университет». 2013. С. 14–21.
4. Карташова Т.Е. Динамика и структура брачно-семейных установок современной молодежи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. №. 132. С. 336–341.
5. Карташова Т.Е. Особенности брачно-семейных установок современной молодежи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. №. 129. С. 61.
6. Мерзлякова С.В. Родительская семья как ориентирующий образ семейного самоопределения молодежи // Теория и практика общественного развития. 2014. №. 2. С. 114–119.
7. Мерзлякова С.В. Представления о материнстве в зависимости от типа семейного самоопределения юношей и девушек // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 3-2 (59). С. 275–282.
8. Мерзлякова С.В. Сплоченность семьи как условие формирования семейного самоопределения юношей и девушек // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. №. 9-1. С. 170–179.
9. Мерзлякова С.В. Модель психолого-педагогического сопровождения развития семейного самоопределения студенческой молодежи // В мире научных открытий. 2014. № 11.1 (59). С. 560–584.
10. Мерзлякова С.В. Особенности брачно-семейных представлений современной молодежи // Теория и практика общественного издания, Изд. дом ХОРС, 2012. № 12. С. 150–155.
11. Поспелова Т.Г. Тенденции развития гендерной и семейной культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. Т. 206. С. 143–154.
12. Deci E.L., & Ryan R.M. Self-determination. John Wiley & Sons, Inc., 2000.
13. Fan, R. Self-Determination vs. Family-Determination: Two Incommensurable Principles of Autonomy. *Bioethics*, 1997, no. 11(3-4), pp. 309–322.

14. Grolnick W.S., Deci E.L., & Ryan R.M. Internalization within the family: The self-determination theory perspective, 1997.
15. Merzlyakova S.V. A children-parent relationships as a condition of formation of the family self-determination of youth // In the World of Scientific Discoveries, Series A. Publishing House Science and Innovation Center, Ltd. Volume 2, Number 2, 2014, pp. 38–51.
16. Ryan R.M., & Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American psychologist*, 2000, no 55(1), pp. 68.

References

1. Zmanovskaya E.V., Kartashova T.E. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2011. №. 12, pp. 222–226.
2. Karabanova O.A. *Psikhologiya semeynykh otnosheniy i osnovy semeynogo konsul'tirovaniya* [Psychology of family relations and the basics of family counseling]. Gardariki, 2004. S. 320.
3. Karabanova O.A., Trofimova O.V. *Sovremennaya rossiyskaya sem'ya: psikhologicheskie problemy i puti ikh resheniya* [Modern Russian Family: Psychological Problems and Ways to Solve them]. Astrakhan': ID «Astrakhanskiy universitet». 2013, pp. 14–21.
4. Kartashova T.E. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. AI Gertsena*. 2011. №. 132, pp. 336–341.
5. Kartashova T.E. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A I Gertsena*. 2011. №. 129. P. 61.
6. Merzlyakova S.V. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2014. №. 2, pp. 114–119.
7. Merzlyakova S.V. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2016. № 3–2 (59), pp. 275–282.
8. Merzlyakova S.V. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2014. №. 9–1, pp. 170–179.
9. Merzlyakova S.V. *V mire nauchnykh otkrytiy*. 2014. № 11.1 (59), pp. 560–584.
10. Merzlyakova S.V. *Teoriya i praktika obshchestvennogo izdaniya*. Izd. dom KhORS, 2012. № 12, pp. 150–155.

11. Pospelova T.G. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2015. V. 206, pp. 143–154.
12. Deci E.L., & Ryan R.M. *Self-determination*. John Wiley & Sons, Inc., 2000.
13. Fan R. Self-Determination vs. Family-Determination: Two Incommensurable Principles of Autonomy. *Bioethics*, 1997, no. 11(3-4), pp. 309–322.
14. Grolnick W.S., Deci E.L., & Ryan R.M. Internalization within the family: The self-determination theory perspective, 1997.
15. Merzlyakova S.V. A children-parent relationships as a condition of formation of the family self-determination of youth. *In the World of Scientific Discoveries, Series A*. Publishing House Science and Innovation Center, Ltd. Volume 2, Number 2, 2014, pp. 38–51.
16. Ryan R.M., & Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American psychologist*, 2000, no 55(1). P. 68.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мухтарова Амина Хасановна, магистрант II года обучения факультета психологии
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, г. Астрахань, Астраханская область,
414056, Российская Федерация
amina_muhtarova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Mukhtarova Amina Khasanovna, Second-Year Undergraduate of Faculty of Psychology
Astrakhan State University
20a, Tatysheva Str., Astrakhan, Astrakhan oblast, 414056, Russian Federation
amina_muhtarova@mail.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-2-105-127

УДК 159.9

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ СУБЪЕКТА С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ

Пономарева И.В., Климова М.О., Сизова Я.Н.

***Актуальность.** Интеграция современного человека в контекст стремительных изменений и ускоряющегося темпа жизни обеспечивается наличием у него индивидуальных ресурсов: способности регулировать (контролировать) свое поведение, решать жизненные задачи и преодолевать трудности.*

***Целью** данной статьи является установление характера соотношения контроля поведения и личностной беспомощности.*

***Методологией** исследования выступают концепции контроля поведения и личностной беспомощности.*

***Результаты.** В ходе исследования обнаружены теоретические предпосылки, указывающие на соотношение контроля поведения и личностной беспомощности как структур субъекта и личности. Личностная беспомощность задает особую реализацию субъектности, мерой которой выступает степень активности и саморегуляции. Личностная беспомощность связана с уровнем развития контроля поведения и его индивидуальными характеристиками.*

***Выводы.** Личностная беспомощность, представляя собой системное качество, объединяющее особенности когнитивной, мотивационной, эмоциональной и волевой сферы личности, обуславливает особенности индивидуальных ресурсов, на основе которых реализуется регуляция поведения субъекта, в том числе контроль поведения. Учитывая психологическую природу личностной беспомощности, эффективность контроля поведения может быть снижена, реализация психических ресурсов для решения жизненных задач будет затруднена.*

Ключевые слова: психология субъекта; регулятивная функция субъекта; личностная беспомощность; контроль поведения.

THEORETICAL RESEARCH OF THE REGULATIVE FUNCTION OF A SUBJECT WITH PERSONAL HELPLESSNESS

Ponomareva I.V., Klimova M.O., Sizova Y.N.

Relevance. *Integration of a modern person into the context of rapid changes and life acceleration is ensured by his individual resources: the ability to regulate (control) personal behavior, complete life tasks and overcome difficulties.*

The aim of this article is to specify the character of relationship between behavior control and personal helplessness.

The methodology of this research contains the concepts of behavior control and personal helplessness.

Results. *This study revealed theoretical prerequisites indicating a correlation between behavior control and personal helplessness as structures of a subject and personality. Personal helplessness leads to a special realization of personal agency, the measure for which is the degree of activity and self-regulation. Personal helplessness correlates with level of behavior control development and its individual characteristics.*

Summary. *Being a system quality that unites peculiarities of cognitive, motivational, emotional and volitional spheres of a person, helplessness determines peculiarities of individual resources, on the basis of which behavior of a subject is controlled and regulated. Taking into consideration the psychological nature of personal helplessness, behavior control may become less effective; usage of psychological resources in order to complete life tasks will become complicated in this case.*

Keywords: *psychology of a subject; regulative function of a subject; personal helplessness; behavior control.*

Введение

Государственные программы модернизации экономики и социальной сферы требуют не только финансовых инвестиций, но и психологической готовности людей к изменениям, включенности в инновационный процесс. Многообещающие проекты теряют эффективность по психологическим причинам: существует категория людей, которые предпочитают оставаться пассивными, избегают любых рисков, пасуют при возникновении трудностей, проявляют равнодушие вместо инициативы, легко впадают в уныние и даже депрессию. Пессимистические ожидания людей относительно нововведений оказываются препятствием для развития в экономической, социальной, политической сферах, тогда как оптимизм является важнейшей психологической составляющей инновационной деятельности.

Стремительные изменения, ускоряющийся темп жизни делают актуальной проблему исследования способности человека регулирования свое поведение, решать жизненные задачи, преодолевать трудности.

Дефицит самоконтроля лежит в основе проблем поведения человека, проявляющихся в самых разнообразных сферах: от базовых человеческих функций (например, нарушения питания), до взаимодействия с другими людьми, профессиональной деятельности и экономического поведения (неспособность распределять финансовые ресурсы). Именно поэтому «саморегуляция» становится одним из центральных понятий психологии.

Целью данной статьи является попытка установления характера соотношения контроля поведения и личностной беспомощности. Достижение заданной цели позволит обнаружить соотношение между внутренним содержанием феномена личностной беспомощности и реализации регуляторной функции субъекта.

Практическая значимость исследования состоит в создании теоретической базы для решения прикладных задач профилактики и коррекции личностной беспомощности и развития контроля поведения.

Обзор литературы

Для реализации цели изыскания проведем теоретический анализ основных категорий исследования: «регуляции» и «личностной беспомощности», соотношения личностных и субъектных характеристик.

Понятие регуляции субъекта в психологических исследованиях

Проблема регуляции жизнедеятельности является одной из самых актуальных, самых разработанных, но и самых спорных тем в современной психологии. Саморегуляция выступает необходимым условием взаимодействия организма с окружающей средой. Постоянно изменяющиеся условия среды требуют механизмов, которые позволяли бы анализировать эти условия и корректировать свои действия в соответствии с новыми обстоятельствами.

Существует множество подходов к пониманию механизмов регуляции поведения и деятельности субъекта. Одни авторы акцентируют внимание на отдельных механизмах регуляции поведения, другие же подходят к анализу проблемы более широко, описывая целостную систему саморегуляции, построенную по принципу иерархии.

В рамках одного из подходов регуляция рассматривается как осознанный целенаправленный процесс, ключевую роль в котором играют когнитивные механизмы постановки цели, анализа условий и результатов деятельности. В рамках данного подхода авторами предлагаются различные функциональные структуры, обеспечивающие механизм саморегуляции. Так, системно-функциональная модель саморегуляции разработана О.А. Конопкиным [4]. О.А. Конопкин отмечает, что осознанная регуляция человеком своей произвольной целенаправленной активности выступает особенно актуальной в рамках субъектного подхода, в котором способность человека сознательно организовывать свою активность, обеспечивающую достижение поставленных целей является одной из ключевых характеристик человека [3, 6].

Процесс саморегуляции деятельности, по мнению А.К. Осницкого, представляет собой реализацию комплекса регуляторных умений,

которые формируются в соответствии с основными регуляторными функциями, описанными О.А. Конопкиным [9]. А.К. Осницкий вводит понятие регуляторного опыта, который является элементом более общего субъектного опыта [8]. Благодаря регуляторному опыту человек способен самостоятельно ставить себе задачи и последовательно действовать для их реализации.

Представления о модели осознанной саморегуляции О.А. Конопкина легли в основу концепции индивидуального стиля саморегуляции произвольной активности В.И. Моросановой [7]. Под стилевыми особенностями саморегуляции она понимает «индивидуальные особенности системы саморегуляции человека, устойчиво проявляющиеся в различных видах произвольной активности, в поведении и практической деятельности» [6, 72]. Такой подход позволил включить в систему саморегуляции элемент личностного своеобразия, отразить взаимосвязь стиля саморегуляции с различными личностными особенностями.

Уникальная человеческая способность осуществлять сложную целенаправленную деятельность и управлять своим поведением является объектом изучения и в зарубежной психологии. В настоящее время в области когнитивной психологии накоплен значительный объем исследований, отражающих процессы управления субъектом собственным поведением (как в норме [21], так и при различных формах патологии [17]). При этом наиболее распространенным понятием в контексте когнитивной регуляции поведения является понятие «executive functions» [18], Специфика исполнительных функций, по сравнению с другими психическими функциями заключается по мнению большинства авторов в том, что это процессы высокого уровня, чья задача состоит в организации других, базовых процессов [19; 22].

Список исполнительных функций, обеспечивающих когнитивную регуляцию поведения у различных авторов варьирует [20; 23]. К наиболее часто упоминаемым можно отнести следующие: постановку целей [19; 18; 27]; планирование [19; 24; 27]; антиципацию [19; 28]; возможность гибкой смены когнитивных установок [19; 21;

24]; торможение и контроль импульсов [19; 18]; поддержание деятельности и подавление влияния интерферирующих воздействий [19; 24; 28]; коррекцию ошибок [19; 28]; распределение ресурсов внимания [19; 21]. Ряд исследователей также относят к исполнительным функциям рабочую память [18; 27].

Таким образом, в когнитивной психологии система регуляции поведения рассматривается как совокупность когнитивных процессов обработки информации, необходимой для организации собственно деятельности, постановки и удержания цели деятельности и корректировки в ее зависимости от внешних условий. Такое понимание процесса саморегуляции поведения имеет на наш взгляд много общего в системно-функциональной модели, предложенной в отечественной психологии О.А. Конопкиным.

В рамках другого, личностного, подхода авторы изучают личностные механизмы регуляции поведения, осуществляемой с опорой на мотивационные образования, ценностные и смысловые конструкты. Мотивационное направление к проблеме саморегуляции человека отразилось во многих психологических концепциях воли, в которых производство новых мотивационных образований рассматривается, как ключевой механизм волевого поведения (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, Б.Ф. Зейгарник, Д.Н. Узнадзе, В.А. Иванников и др.). Отражением личностного подхода в психологии регуляции выступают также теории ценностно-смысловой регуляции жизнедеятельности (Д.А. Леонтьев, А.О. Прохоров, А.С. Шаров, В.Я. Ядов).

Смысловая регуляция жизнедеятельности представляет собой психологический уровень регуляции, основанный на совокупности смысловых образований и связей между ними [5, 154]. Взаимодействие человека с окружающим миром неминуемо связано с проблемой выбора способов и направлений своей активности в зависимости от поставленных целей, имеющихся условий и отношений, целостного контекста ситуации.

В основе концепции смысловой регуляции психических состояний А.О. Прохорова лежит предположение о том, что ситуации жизнедеятельности и их содержание могут оказывать различное

влияние на субъекта, в том числе на его психическое состояние, в зависимости от смысловой организации сознания [10].

Механизм ценностной регуляции поведения отражен также в диспозиционной концепции В.Я. Ядова [16]. Регуляция поведения человека в различных социальных ситуациях осуществляется по его мнению на основе диспозиционных образований, организованных в определенную иерархию. На низшем уровне этой иерархии поведение регулируют элементарные фиксированные установки, они неосознанны и связаны с удовлетворением витальных потребностей. Высший уровень представлен системой ценностных ориентаций, которые регулируют поведение человека в отношении высших социальных потребностей и определяют отношения человека к жизненным целям и способам их достижения.

Несмотря на многообразие теорий и подходов, посвященных проблеме регуляции поведения, многие из них концентрируются на отдельных аспектах данного процесса. Одной из современных теорий регуляции, в которой сделана попытка интегрировать ресурсы индивидуальности в рамках единого конструкта выступает концепция контроля поведения (Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская, Ю.В. Ковалева и др.).

Контроль поведения понимается как «психологический уровень регуляции, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Контроль поведения является основой самоконтроля [14, 18]. Контроль поведения представляет собой основу, на которой строится регуляторная деятельность человека и предполагает участие как осознаваемых так и не осознаваемых механизмов психической регуляции. По мнению авторов, контроль поведения представляет собой систему, объединяющую три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции [14]. Уровень развития контроля поведения определяется уровнем развития человека как субъекта, в котором отражена

степень интегрированности всех его психических свойств [14]. При этом отмечается, что субъектность человека развивается постепенно на протяжении всей его жизни и может быть представлена как уровни развития субъекта. Опираясь на принцип континуальности развития, Е.А. Сергиенко выделяет несколько уровней становления субъекта: от протоуровней в раннем онтогенезе до уровней агента, наивного субъекта, субъекта развития, субъекта деятельности, субъекта жизни (Сергиенко, 2000, 2002, 2005, 2006) [13, 67–84]. Таким образом, концепция контроля поведения представляется наиболее интегративной. Перейдем к анализу феномена личностной беспомощности.

Феномен личностной беспомощности

В настоящее время в европейской психологии существуют сотни исследований, посвященных непосредственно выученной беспомощности, ее психологическим, физиологическим, медицинским аспектам, фармакологическому лечению, связи с болезнями людей и другие.

В современных психологических исследованиях российских ученых результатом научного интереса к феномену беспомощности явилось множество частных исследований, как самого феномена, так и смежных с ним явлений. Среди направлений изучения беспомощности можно выделить исследование медицинских аспектов беспомощности (А.А. Уянаев, О.Ю. Введенская) и изучение психологии беспомощности у человека (Н.А. Батурин, Е.В. Веденева, И.О. Девятковская, Е.А. Евстафеева, Е.В. Забелина, Ю.К. Мухаметова, С.А. Сальева, Д.А. Циринг, В.В. Шиповская, Ю.В. Яковлева, и др.).

В 1975 году М. Селигман высказал мысль о том, что существуют различия в толерантности к возникновению депрессии и тревоги у различных людей. Для тех, у кого депрессия возникает при малейших неудачах, она представляет собой нечто «большее, чем состояние, это свойство личности». Детальное обращение Д.А. Циринг (2001, 2010) к явлению выученной беспомощности, описываемому М. Селигманом в одноименной теории привело к исследованию

нового феномена в психологии и созданию целостной концепции, посвященной личностной беспомощности. Концепция личностной беспомощности Д.А. Циринг, являясь другим уровнем осмысления феномена беспомощности в целом, не противоречит традиционным представлениям о выученной беспомощности, а рассматривает ее как возможное проявление личностной беспомощности.

Субъектно-деятельностный подход, являясь теоретико-методологической основой изучения личностной беспомощности, предопределяет содержание этого понятия. Так, личностная беспомощность – это качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, то есть низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать целей, преодолевая различного рода трудности.

Таковыми внутренними условиями являются эмоциональные, мотивационные, когнитивные и волевые особенности личности. Внешними условиями выступают неподконтрольные события, нарушения в системе семейных взаимоотношений, причем последние являются решающими для возникновения личностной беспомощности.

Исследование беспомощности как устойчивого личностного свойства отражено в современных исследованиях Д.А. Циринг, Е.В. Забелиной, Е.В. Веденеевой, Ю.В. Яковлевой, Е.А. Евстафеевой, И.В. Пономаревой, М.О. Климовой. Данные исследования интерпретируют личностную беспомощность как устойчивую системную характеристику субъекта, изучая её психологическое содержание, структуру, факторы формирования, взаимосвязь с противоположным феноменом – самостоятельностью. В настоящее время личностная беспомощность как устойчивое качество субъекта диагностируется при наличии таких показателей как пессимистический атрибутивный стиль, депрессивность, тревожность, пониженная самооценка. Данная совокупность диагностических показателей определена в соответствии с результатами исследования психологии личност-

ной беспомощности и эмпирически подтверждена в исследованиях Д.А. Циринг, Е.В. Веденеевой, Ю.В. Яковлевой, И.В. Пономаревой. Здесь личностная беспомощность не сводится к сумме данных показателей, а представляя собой целостную системную характеристику личности, обретает новые качества. В исследованиях вышеназванных авторов доказано влияние личностной беспомощности на успешность учебной, профессиональной деятельности, ее проявление в поведении личности, описано функциональное значение личностной беспомощности, верифицирована ее типология. Всестороннее изучение личностной беспомощности в эмпирическом плане и детальная проработка методологии данного феномена позволили сформулировать основные положения концепции личностной беспомощности, обеспечить методическую базу исследования личностной беспомощности, ее функций и психологических типов.

В связи с тем, что исследовательский интерес представляет понимание механизма опосредования регулятивной функции субъекта (контроля поведения) личностной беспомощностью, рассмотрим соотношение категорий личность и субъект, что позволит установить сопряженность личностных и субъектных характеристик, в том числе взаимосвязи личностных особенностей (личностная беспомощность) и реализации субъектных функций.

Проблема соотношения категорий личность и субъект

В рамках системно-субъектного (Е.А. Сергиенко) подхода субъект понимается как качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, центр согласования всех психических процессов, позволяющий осуществлять жизнедеятельность человека через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. В субъекте как единой метасистеме психика предстает в своем единстве, в субъекте же раскрывается индивидуальность человека. Субъект в контексте системно-субъектного подхода выступает стержнем психической организации [12].

Соотношение понятий личности и субъекта различными авторами понимается по-разному. Так, некоторые авторы используют

понятия «личность», «субъект», «человек» как рядоположенные (С.Л. Рубинштейн, М.Ш. Магомед-Эминов). Б.Г. Ананьев, напротив, отмечает, что личность и субъект отражают разные аспекты психологической реальности даже в тех случаях, когда максимально сближаются их свойства. При этом, субъект отражает совокупность деятельностей человека, в то время как личность – совокупность социальных отношений [Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания, 1996]. А.В. Брушлинский отмечает, что субъект – это всегда личность, но он не сводим к личности. К.А. Абульханова же пишет о том, что не всякая личность может выступать субъектом [1]. Личность становится, по ее мнению, субъектом только на высших этапах своего развития. Понятие личности, таким образом, оказывается шире понятия субъекта, который обозначает вершину ее развития, субъект проявляется как новообразование личности на высших этапах ее развития. Такого акмеологического подхода к понимаю субъекта придерживается большинство отечественных психологов (К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков). Существует и другой – эволюционный – подход, который утверждает положение о постепенном развитии человека как субъекта (Л.И. Божович, В.Н. Слободчиков, Е.А. Сергиенко). Становление субъекта происходит с ранних этапов жизни человека, личность при этом может развиваться вместе с субъектом или обнаруживать себя на более поздних этапах его развития [11].

Опираясь на результаты своих многолетних исследований В.И. Моросанова также подчеркивает, что понятия «субъект и личность» описывают разные аспекты мира индивидуальности человека [6]. Взаимодействие этих аспектов формирует своеобразие внутреннего мира человека и его проявление в поведении. При этом субъектные характеристики определяют индивидуальность с точки зрения особенностей саморегуляции субъектной активности на пути достижения целей, а личностные – своеобразие содержания этих целей, направленности личности, а также особенностей их достижения [6].

Соотношение понятий «личность» и «субъект», по мнению Е.А. Сергиенко, предстает следующим образом. Личность являет-

ся носителем содержания внутреннего мира человека, субъект же выступает в роли исполнительного звена, которое реализует это содержание в конкретных жизненных условиях. Личность – это стержневая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития [13].

Методология исследования

Методологическим принципом, лежащим в основе исследования является принцип детерминизма. Среда обуславливает психические явления опосредованно, преломляясь через личностные свойства субъекта. Преломление внешнего через внутреннее предполагает опосредствование внешних воздействий всей историей развития личности. Чтобы говорить о влиянии внешних факторов, необходимо знать внутренние. Так, состояние беспомощности возникает под воздействием травмирующих событий у людей, имеющих внутренние предпосылки (пессимистический атрибутивный стиль, высокую тревожность, низкую самооценку, внешний локус контроля и т. д., то есть совокупность устойчивых характеристик, которая в настоящем исследовании обозначена как личностная беспомощность), которые, в свою очередь, обусловлены всей историей жизни человека, его опытом взаимодействия с миром. Эти внутренние предпосылки на более раннем этапе формировались во взаимодействии с семьей и наличием или отсутствием опыта травмирующих событий. Принцип детерминизма является приоритетным принципом научного познания и взаимосвязан с принципами развития и системности.

Принцип развития выступает как общенаучный и как психологический научный принцип, согласно которому природу и сущность любых явлений объективной действительности следует изучать в их возникновении и становлении, в их развитии. На положения данного принципа опирается тезис о формировании типов личностной беспомощности как результат развития субъектности человека.

Принцип системности предполагает, что сложные объекты (в психологии – психика) должны изучаться как системы. Система

психических явлений рассматривается как многоуровневая и иерархическая. В психологии говорят о психике как целостной системе и подсистемах в её рамках, являющихся вышележащим уровнем для более простых систем (мотивационная система личности, система ценностей и т. д.). Принцип системности задает контур данного исследования, состоящий в рассмотрении единства субъектных и личностных образований, которыми выступают контроль поведения и личностная беспомощность.

Изучение феноменов личностной беспомощности и контроля поведения построено на системном и субъектном подходах, а также конкретизировано в рамках системно-субъектного подхода (Е.А. Сергиенко). Личностная беспомощность здесь как системное качество субъекта задает особую реализацию субъектности, которая проявляется во взаимодействии с миром. Личностная беспомощность – это качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, то есть низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать целей, преодолевая различного рода трудности. Личностная беспомощность проявляется в деятельности, обуславливая снижение ее успешности, и в поведении субъекта. Контроль поведения как регулятивная функция субъекта, по Е.А. Сергиенко, основывается на ресурсах индивидуальности, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции. Уровень развития контроля поведения определяется уровнем развития человека как субъекта, в том числе личностной беспомощностью как системной характеристикой субъекта. Установив представления о соотношении личности и субъекта, перейдем к дискуссии о сопряженности контроля поведения как регулятивной функции субъекта и личностной беспомощности.

Дискуссия о соотношении контроля поведения как регулятивной функции субъекта и личностной беспомощности. Понимание контроля поведения (Е.А. Сергиенко и коллеги) опирается на индивидуальные ресурсы человека, интегрированные субъектом

как системообразующим фактором всей системы регуляции. Индивидуальные ресурсы объединяют в себе индивидуальные особенности, лежащие в трех сферах психики. В первую очередь, под ними понимаются особенности интеллектуальных, когнитивных способностей анализировать и упорядочивать внешнюю и внутреннюю среду, создавать ментальные модели ситуаций и событий, ментально оперировать внутренними моделями и представлениями, подготавливать решения, способность к гибкому когнитивному контролю (Е.А. Сергиенко, 2010). Данная подсистема контроля поведения обозначена как когнитивный контроль – контролируя свое поведение, субъект использует свои интеллектуальные ресурсы. Не смотря на то, что эта подсистема чрезвычайно важна для процессов саморегуляции, она не исчерпывает всех регуляционных возможностей субъекта. В частности, обнаруживая высокий интеллектуальный ресурс, человек может столкнуться с проблемами эмоционального и волевого характера, такими как невозможность преодолеть тревогу, непоследовательность целевых действий, которые снижают уровень его достижений и в целом самореализации. Именно поэтому выделены и другие подсистемы контроля поведения – эмоциональный контроль и произвольный (волевой) контроль, которые также опираются на индивидуальные ресурсы субъекта. Эмоциональный контроль основывается на эмоциональной устойчивости, интенсивности эмоций, способности понимать собственные эмоции и различать эмоции других людей (эмоциональный интеллект). Волевой контроль проявляется в способности организовывать собственное поведение для достижения поставленных целей и преодолевать препятствия на пути их достижения. Выраженность индивидуальных ресурсов носит индивидуальный характер, поскольку соотношение когнитивных, эмоциональных и волевых ресурсов у разных людей различно. В связи с этим предполагается индивидуальное своеобразие контроля поведения и своеобразие предпочитаемых стилей саморегуляции (Е.А. Сергиенко, 2009).

Таким образом, контроль поведения – это единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмо-

циональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции (Е.А. Сергиенко, 2010).

Личностная беспомощность, является совокупностью определенных личностных особенностей, и характеризует, таким образом, личность. Представляя собой характеристику такого способа самоорганизации личности, личностная беспомощность обуславливает низкий уровень субъектности (Д.А. Циринг) [15, 171].

Особенности контроля поведения зависят от уровня субъектности человека, что указывает на сопряженность структур личностной беспомощности и контроля поведения.

В.И. Моросанова, анализируя понятие субъектности, выделяет процессуальный уровень субъектной активности и уровень регуляторно-личностных или субъектных качеств. Процессуальный уровень субъектной активности проявляется в механизмах осознанной саморегуляции деятельности. А уровень регуляторно-личностных качеств характеризует именно степень и своеобразие субъектной активности. Понимание личностной беспомощности согласуется с представлениями о данном уровне субъектных характеристик. В данном исследовании мы понимаем личностную беспомощность как системное качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними (системой семейных взаимоотношений, опытом неконтролируемых травмирующих событий), определяющее низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать цели, преодолевая различного рода трудности [15]. Личностная беспомощность оказывает влияние на деятельность субъекта, снижая ее успешность. Личностная беспомощность предстает, таким образом, в качестве «внутренних условий» субъекта, которые, взаимодействуя с внешними условиями – обстоятельствами жизнедеятельности человека, проявляются в его деятельности и поведении.

Личностная беспомощность представляет собой определенное системное личностное качество, сопряженное с низким уровнем

субъектности (Д.А. Циринг). Как уже говорилось ранее, личность в рамках системно-субъектного подхода (Е.А. Сергиенко) понимается как некое командное, направляющее звено в системе «личность – субъект». Исходя из этого положения, мы предполагаем, что личностная беспомощность связана с уровнем развития конструкта контроля поведения и его индивидуальными характеристиками. Личностная беспомощность, представляя собой системное качество, объединяющее особенности когнитивной, мотивационной, эмоциональной и волевой сферы личности, связана с особенностями индивидуальных ресурсов, на основе которых реализуется регуляция поведения субъекта. В этой связи возникает ряд исследовательских задач, направленных на изучение контроля поведения у субъектов с личностной беспомощностью, его взаимосвязи с личностными особенностями, определяющими различные уровни субъектности, изучение индивидуального своеобразия системы контроля поведения у субъектов с различными личностными особенностями.

Заключение

1. Проведенный анализ наиболее значимых теорий регуляции, а также беспомощности позволил обнаружить теоретические предпосылки, указывающие на соотношение регулятивной функции субъекта и личностной беспомощности как структур субъекта и личности, которые находятся в тесном единстве и взаимодействии, но в тоже время дифференцированы.
2. Согласно представлению о соотношении категорий личность и субъект, личностная беспомощность задает особую реализацию субъектности, мерой которой выступает степень активности и саморегуляции.
3. Уровень развития контроля поведения определяется уровнем развития человека как субъекта, его активностью. Также контроль поведения как регулятивная функция субъекта основывается на ресурсах индивидуальности, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции.

4. Контроль поведения, основываясь на ресурсах индивидуальности и их интегративности, у субъекта с личностной беспомощностью, будет обуславливаться также и последней. Учитывая психологическую природу личностной беспомощности, эффективность контроля поведения такого субъекта может быть снижена, реализация психических ресурсов для решения жизненных задач будет затруднена.

Таким образом, проведенный аналитический обзор современных теорий указывает на факт согласованности структурных образований: контроль поведения и личностная беспомощность. Однако необходима верификация полученных теоретических данных. Перспективная задача эмпирического исследования состоит в установлении качества согласованности указанных структур и результата их взаимодействия, в качестве которого выступает реализация регулятивной функции субъекта.

Информация о конфликте интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект №17-36-01097 «Особенности регулятивной функции субъекта с различным типом личностной беспомощности (на примере подросткового возраста)»).

Список литературы

1. Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М. 1997. С. 56–75.
2. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Издательство «Институт практической психологии». 1996. 384 с.
3. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
4. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980. 256 с.

5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. С. 154.
6. Моросанова В. И., Аронова Е. А. Самосознание и саморегуляция человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 213 с.
7. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психологический журнал. 1995. Т.16. №4. С. 26–36.
8. Осницкий А.К. Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека. Часть 1 // Психологические исследования: электронный научный журнал, 2009. № 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.12.2017).
9. Осницкий А.К. Умения саморегуляции в профессиональном самоопределении учащихся // Вопросы психологии. 1992. № 1–2. С. 52–59.
10. Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 352 с.
11. Сергиенко А.Е. Проблема соотношения понятия субъекта и личности // Психологический журнал. Т.34. №2. 2013. С. 5–16.
12. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
13. Сергиенко Е.А. Субъектная регуляция совладающего поведения / Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 67–83.
14. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Институт психологии РАН, 2010. 352 с.
15. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: Академия, 2010. 410 с.
16. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
17. Duncan J., Burgess P., Emslie H. Fluid Intelligence After Frontal Lobe Damage // *Neuropsychologia*. 1995. Vol. 33. N 3, pp. 261–268.
18. Fuster J.M. Physiology of executive function: the perception-action cycle // *Principles of Frontal Lobe Function* / Ed. by D.T.Stuss, R.T.Knight. N.Y.: Oxford University Press. 2002, pp. 96–109.

19. Lezak M.D. Neuropsychological Assessment. N.Y.: Oxford University Press. 1995. 1016 p.
20. Logan G.D. Executive control of thought and action // *Acta Psychologica*. 1985. vol. 60. N 2–3, pp. 193–210.
21. Loring D.W. (Ed.) Dictionary of Neuropsychology. N.Y.: Oxford University Press. 1999. 193 p.
22. Norman D.A., Shallice T. Attention to action: Willed and automatic control of behavior // *Cognitive neuroscience: a reader* / By M.S. Gazzaniga. Oxford: Blackwell. 2000, pp. 376–392.
23. Posner M., Snyder C. Attention and cognitive control // *Information processing and cognition: the Loyola symposium* / Ed. by R.L. Solso. Hillsdale N.J: Erlbaum. 1975, pp. 55–85.
24. Rabbitt P. Methodology of Frontal and Executive Function. Hove, UK: Psychology Press. 1997. 264 p.
25. Seligman M.E.P. Helplessness: on depression, development and death. San Francisco: W.H. Freeman. 1975.
26. Seligman M.E.P. Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life. New York: Knopf. 1991.
27. Shallice T. Burgess P. The domain of supervisory processes and the temporal organisation of behavior // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. 1996. N 351, pp. 1405–1412.
28. Stuss D.T., Benson D.F. The Frontal Lobes. N.Y.: Raven Press. 1986. 303 p.
29. Tsiring D., Ponomareva I. Characteristics of Teenager-to-Parent Relationships and Their Inputs into the Formation of Juvenile Personality Helplessness. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. 214, pp. 852–857.

References

1. Abul'hanova K.A. Mirovozzrencheskij smysl i nauchnoe znachenie kategorii subekta [Philosophical significance and scientific value of the category of the subject]. *Rossijskij mentalitet: voprosy psichologicheskoy teorii i praktiki* [In Russian mentality: issues of psychological theory and practice]. Moscow, 1997, pp. 56–75.

2. Anan'ev B.G. *Psihologiya i problemy chelovekoznaniya* [Psychology and the problems of anthropology] / Ed. A.A. Bodalev. Moscow.: Institute of practical psychology, 1996. 384 p.
3. Konopkin O.A. Psihicheskaya samoregulyaciya proizvol'noj aktivnosti cheloveka [Psychological mechanisms of regulation of activity]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology]. 1995. vol. 1, pp. 5–12.
4. Konopkin O.A. *Psihologicheskie mekhanizmy regulyatsii deyatel'nosti* [Psychological mechanisms of regulation of activity]. Moscow: Science, 1980. 256 p.
5. Leont'ev D.A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of sense: nature, structure and dynamics of semantic reality] Moscow: Significance, 2003. P. 154.
6. Morosanova V.I., Aronova E.A. *Samosoznanie i samoregulyaciya cheloveka* [Self-awareness and self-regulation of human]. Moscow: Institute of psychology RAS, 2007. 213 p.
7. Morosanova V.I. Individual'nyj stil' samoregulyatsii v proizvol'noj aktivnosti cheloveka [Individual style of self-regulation in voluntary activity]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. 1995. vol. 16(4), pp. 26–36.
8. Osnickij A.K. Regulyatornyj opyt, sub'ektnaya aktivnost' i samostoyatel'nost' cheloveka. CHast' 1 [Regulatory experience, subjective activity and man's independence. Part 1]. *Psychological research*. 2009. vol. 5(7). <http://psystudy.ru> (accessed December 24, 2017).
9. Osnickij A.K. Umeniya samoregulyatsii v professional'nom samoopredelenii uchashchihhsya [Skills of self-regulation in professional self-determination of students]. *Questions of Psychology*. 1992. vol. 1–2, pp. 52–59.
10. Prohorov A. O. *Smyslovaya regulyaciya psichicheskikh sostoyanij* [Semantic regulation of mental states]. Moscow: Institute of psychology RAS, 2009. 352 p.
11. Sergienko A.E. Problema sootnosheniya ponyatiya subekta i lichnosti [The problem of correlation of the notions of subject and identity]. *Psychological Journal*. vol. 34. no. 2. 2013, pp. 5–16.
12. Sergienko E.A. Sistemno-subektnyj podhod: obosnovanie i perspektiva [System-subject approach: rationale and perspective]. *Psychological Journal*. 2011. vol. 32. no. 1, pp. 120–132.

13. Sergienko E.A. Subektnaya regulyaciya sovladayushchego povedeniya [The subject regulation of coping behavior]. *Sovladayushchee povedenie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [In Coping behavior: a modern condition and prospects]. Moscow: Institute of psychology RAS. 2008, pp. 67–83.
14. Sergienko E.A., Vilenskaya G.A., Kovaleva YU.V. *Kontrol' povedeniya kak sub"ektnaya regulyaciya* [Control of behavior as subjective regulation]. Moscow: Institute of psychology RAS, 2010. 352 p.
15. Ciring D.A. *Psihologiya lichnostnoj bespomoshchnosti: issledovanie urovnej sub"ektnosti* [The psychology of personal helplessness]. Moscow: Academia, 2010. 410 p.
16. Yadov V.A. Social'naya identifikaciya v krizisnom obshestve [Social identification in a crisis society]. *Sociological Journal*. 1994. vol. 1, pp. 35–52.
17. Duncan J., Burgess P., Emslie H. Fluid Intelligence After Frontal Lobe Damage. *Neuropsychologia*. 1995. vol. 33. no. 3, pp. 261–268.
18. Fuster J.M. Physiology of executive function: the perception-action cycle. *Principles of Frontal Lobe Function* / ed. by D.T.Stuss, R.T.Knight. N.Y.: Oxford University Press. 2002, pp. 96–109.
19. Lezak M.D. *Neuropsychological Assessment*. N.Y.: Oxford University Press. 1995. 1016 p.
20. Logan G.D. Executive control of thought and action. *Acta Psychologica*. 1985. vol. 60. no. 2–3, pp. 193–210.
21. Loring D.W. (Ed.) *Dictionary of Neuropsychology*. N.Y.: Oxford University Press. 1999. 193 p.
22. Norman D.A., Shallice T. Attention to action: Willed and automatic control of behavior. *Cognitive neuroscience: a reader* / by M.S.Gazzaniga. Oxford: Blackwell. 2000, pp. 376–392.
23. Posner M., Snyder C. Attention and cognitive control. *Information processing and cognition: the Loyola symposium* / ed. by R.L.Solso. Hillsdale, N.J: Erlbaum. 1975, pp. 55–85.
24. Rabbitt P. *Methodology of Frontal and Executive Function*. Hove, UK: Psychology Press. 1997. 264 p.
25. Seligman, M. E. P. *Helplessness: on depression, development and death*. San Francisco: W. H. Freeman. 1975.

26. Seligman M.E.P. *Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life*. New York: Knopf. 1991.
27. Shallice T., Burgess P. The domain of supervisory processes and the temporal organisation of behavior. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. 1996. vol. 351, pp. 1405–1412.
28. Stuss D.T., Benson D.F. *The Frontal Lobes*. N.Y.: Raven Press. 1986. 303 p.
29. Tsiring D., Ponomareva I. Characteristics of Teenager-to-Parent Relationships and Their Inputs into the Formation of Juvenile Personality Helplessness. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2015. 214, pp. 852–857.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Пономарева Ирина Владимировна, доцент, кандидат психологических наук

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, 454001, Российская Федерация

ivp-csu@yandex.ru

Климова Марина Олеговна, старший преподаватель

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, 454001, Россия

klimova.marina@list.ru

Сизова Яна Николаевна, преподаватель кафедры психологии

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, 454001, Российская Федерация

sizova159@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ponomareva Irina Vladimirovna, Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences

Chelyabinsk State University

129, Brothers Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

ivp-csu@yandex.ru

SPIN-code: 8645-9023

ORCID: 0000-0001-8600-3533

ResearcherID: E-8773-2017

Klimova Marina Olegovna, Senior Lecturer

Chelyabinsk State University

129, Brothers Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

klimova.marina@list.ru

SPIN-code: 8906-9269

ORCID: 0000-0002-4199-4676

ResearcherID: B-5386-2018

Sizova Yana Nikolaevna, Lecturer at the Department of Psychology

Chelyabinsk State University

129, Brothers Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

sizova159@yandex.ru

SPIN-code: 2960-1491

ResearcherID: B-4702-2018

ORCID: 0000-0001-9000-7238

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-2-128-141

УДК 159.9.07

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПЕДАГОГАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА ЛИЧНОСТИ

Садовникова Н.О.

Цель. В статье анализируются возможности применения феноменологии как исследовательского метода и как основы проектирования программ психолого-педагогического сопровождения переживания педагогами профессионального кризиса личности.

Метод и методология проведения работы. В качестве основной методологии выступает феноменология. Также в качестве методологической основы исследования выступают работы отечественных и зарубежных исследователей, в которых раскрываются содержание категорий «кризис» и «переживание». Основным методом исследования явилось полуструктурированное интервью, разработанное на основе феноменологического подхода.

Результаты. На основании результатов теоретико-эмпирического исследования дается определение категорий «профессиональный кризис личности», раскрывается содержание процесса переживания кризиса. Применение феноменологического подхода как основы для проектирования содержания интервью, направленного на раскрытие содержания процесса переживания педагогами профессионального кризиса личности, позволило обосновать возможности применения феноменологии как исследовательского метода. А анализ работ авторов, раскрывающих возможности феноменологии как психотерапевтического метода, позволил обозначить основные направления применения феноменологии как основы проектирования психолого-педагогического сопровождения педагогов, переживающих профессиональный кризис личности.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы в работе психологической службы образовательных организаций, при проектировании программ сопровождения профессионального развития и профессиональной деятельности педагогов.

Ключевые слова: профессиональный кризис личности; переживание; феноменология; феноменологический метод; психолого-педагогическое сопровождение

PHENOMENOLOGY AS THE BASIS OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF EXPERIENCE OF PROFESSIONAL CRISIS OF PERSONALITY BY TEACHERS

Sadovnikova N.O.

Purpose. In the article the possibilities of using phenomenology as a research method are analyzed. In addition, phenomenology is considered as the basis for designing programs for psychological and pedagogical support for the experience of teachers of a professional personality crisis.

Method and methodology. The main methodology is phenomenology. Also, as the methodological basis of the study is the work of domestic and foreign researchers, which revealed the contents of the categories of “crisis” and “experience”. The main research method was a semi-structured interview, developed on the basis of a phenomenological approach.

Results. The content of the process of experiencing the crisis is disclosed, a definition is given of the categories “professional personality crisis” on the basis of the results of a theoretical and empirical study. The application of the phenomenological approach as the basis for designing the content of the interview. The interview is aimed at revealing the content of the process experienced by teachers of a professional personality crisis. This allowed us to substantiate the possibilities of applying phenomenology as a research method. And the analysis of the works of the authors, revealing the possibilities of phenomenology as

a psychotherapeutic method, made it possible to identify the main directions of the application of phenomenology as the basis for designing psychological and pedagogical support for teachers experiencing a professional personality crisis.

Practical implications. *The results can be used in the educational psychological service organizations in the design of programs support professional development and professional work of teachers.*

Keywords: *professional personality crisis; experience; phenomenology; phenomenological method; psychological and pedagogical support.*

Введение

В Концепции модернизации Российского образования в качестве одной из главных задач российской образовательной политики обозначено – обеспечение современного качества образования при сохранении фундаментальности и его развитие в соответствии с актуальными и перспективными потребностям личности, общества и государства. Одним из путей решения этой задачи является обеспечение психологической безопасности образовательного процесса, в том числе за счет повышения уровня психологического благополучия педагогов.

В тоже время, на фоне перманентных реформ в системе образования, в условиях возрастающих требований к личности со стороны государства и общества, усиливаются процессы дезадаптации педагога, как отражения личностных противоречий, связанных с разрывом между уровнем предъявляемых требований и наличием внутренних энергоресурсов, усиливается внутриличностное напряжение, у педагога возникает ощущение бесцельности собственной работы. Все это приводит к возникновению состояния профессионального кризиса личности.

Категория «кризис» в зарубежной и отечественной психологии

Впервые к кризисной проблематике в контексте травмирующей ситуации обратился E. Lindemann [10]. В дальнейшем, в работах других исследователей (G. Caplan, S.-H. Phillip, D. Ulich и др.) под

кризисом понимается период неравновесия, ограниченный по времени, как неожиданное событие или переживание, которое личность не может «переработать» и который не может быть преодолен посредством имеющихся у личности ресурсов.

В отечественной психологии основы изучения (возрастных кризисов) кризисов, их психологического смысла и механизмов было заложено Л.С. Выготским [3, с. 124]. В контексте жизненного и личностного становления, кризис трактуется как феномен внутреннего мира человека, который проявляется в различных формах переживания непродуктивности своей жизни (Р.А. Ахмеров), как неизбежный переход от одной возрастной стадии к следующей (Е.Л. Солдатова), как качественный переходом человека на новый этап, в котором открывается новая картина мира (Т.Д. Марцинковская).

На существование кризисов профессионального развития (становление) указывают Л.И. Анцыферова, Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, А.К. Маркова, Л.М. Митина, Н.С. Пряжников, Э.Э. Сыманюк, А.Р. Фонарев и др.

В контексте нашего исследования интересен подход Ф.Е. Васильюка, в котором под кризисом понимает критический момент и поворотный пункт на жизненном пути, сопровождающийся внутренним нарушением эмоционального баланса, наступающим под влиянием угрозы, создаваемой внешними обстоятельствами [2]. Автор отмечает, что в ситуации кризиса возникает разлад между сознанием и бытием, происходит утрата смысла, преодоление которой возможно за счет перестройки системы ценностей и смыслов [2, с. 29].

Также интерес представляет подход А.О. Прохорова, который относит кризис к неравновесным ситуациям, которые в обычной жизни могут быть вызваны разрывом привычной системы отношений, утратой значимых ценностей, невозможностью достижения поставленных целей, потерей близкого человека и т.д. [5] Все это сопровождается отрицательными эмоциональными переживаниями, неспособностью реально оценить ситуацию и найти рациональный выход из нее [5, с. 222].

На основании анализа работ обозначенных выше авторов, можно констатировать, что феноменология кризиса раскрывается через такие категории, как «переживание», «утрата смысла», «конфликт ценностей», «дезадаптация», «трансформация жизненного плана», «снижение осмысленности жизни» и пр.

В свете этого, под профессиональным кризисом личности педагога мы понимаем длительное неравновесное состояние субъекта труда, вызванное рассогласованием ценностно-смысловой сферы личности и актуализирующее процесс переживания [7]. Возникновение профессионального кризиса личности характеризуется появлением у человека неуверенности в своих силах, несогласием с самим собой, осознанием необходимости переоценки себя, появлением неясности жизненных целей, непониманием как жить дальше, потерей чувства нового, отставанием от жизни и т. д. [6].

Поскольку профессиональный кризис личности затрагивает пласт сознания личности и приводит к его трансформации (по аналогии с личностным кризисом), поэтому при изучении вопроса о том, каким образом личность разрешает профессиональный кризис, целесообразно оперировать категорией «переживание». Именно категория переживания позволяет исследователю раскрыть содержание той внутренней деятельности, которая разворачивается в сознании человека, попавшего в ситуацию профессионального кризиса; деятельности, позволяющей устранить разногласие между бытием и сознанием.

Переживание представляет собой внутреннюю работу по восстановлению душевного равновесия и устранению рассогласования между сознанием и бытием и характеризует уникальность внутреннего мира личности, ее сознания и всей жизни в целом.

В отечественной психологии к категории переживания, как базовой, первичной характеристике сознания, впервые обратился Л.С. Выготский [3]. По его мнению, переживание являются единицей анализа при изучении взаимодействия личности и среды. Автор рассматривает переживание как деятельность по перестройке психологического мира, направленную на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием [3].

По мнению Ф.Е. Василюка, сущность переживания заключается в следующем: когда человек переживает постигшую его утрату, главным является вопрос о том, как ему удастся преодолеть страдание, выдержать испытание, выйти из кризиса и восстановить душевное равновесие, психологически справиться с ситуацией [2]. Речь идет о некотором активном, результативном внутреннем процессе, реально преобразующем психологическую ситуацию, о переживании-деятельности», целью которой является добывание осмысленности дальнейшей жизни [2].

Поскольку профессиональный кризис – это ситуация, когда личность не в состоянии реализовать задуманное в профессии, ситуация, в которой возникает невозможность жить, реализовывать внутренние потребности своей жизни, ситуация, когда перед личностью ставится «задача на смысл», требующая своего разрешения [6]. Именно категория переживания позволяет исследователю раскрыть содержание той, внутренней деятельности, которая разворачивается в сознании педагога. В свете этого применение для исследования содержания переживания традиционного психологического измерения невозможно. Для исследования содержания переживания педагогами профессионального кризиса целесообразно обратиться к стратегиям качественного исследования, одной из которых является феноменологический подход.

Феноменология как метод исследования содержания переживания педагогами профессионального кризиса личности

Феноменологический подход сегодня приобретает особую актуальность в исследовании структуры некоторого переживания, смыслов и отношения человека к чему-либо [9]. Он предполагает реализацию методологии «от первого лица», которая постулирует идею о нередуцируемости переживания. Ее предметом являются живое переживание, субъективный опыт, данные сознания, феномены и феноменальные данные [15].

Феноменологический метод – это специальный метод описания и анализа собственных переживаний, опирающийся на рефлексивность

и принципы очевидности и беспредпосылочности [9]. Испытуемым в феноменологическом исследовании может стать любой человек, имеющий соответствующее переживание или опыт и способный хотя бы минимально его описать [9].

В цикле исследований [13], проведенных ранее, мы обосновали возможности применения феноменологического метода для исследования содержания процесса переживания педагогами профессионального кризиса личности. Для этого нами было разработано полуструктурированное феноменологическое интервью, вопросы которого охватывали несколько аспектов процесса переживания педагогами профессионального кризиса личности: от общего мироощущения и переживаний до кризиса, до описания деятельности по преодолению кризиса.

Всего в исследовании приняли участие 150 педагогов общеобразовательных организаций, средний стаж работы которых 8,6 лет. Все испытуемые – женщины, средний возраст 28,4 года. Поскольку в контексте нашего исследования особый интерес представляли педагоги, имеющие опыт переживания профессионального кризиса (это одно из важнейших условий применения феноменологической исследовательской стратегии). Поэтому из общей выборки мы отобрали 70 педагогов, которые такой опыт имели.

Анализ ответов педагогов позволил установить, что основной аспект переживания связан с изменением смыслового контекста работы (21% ответов от общего количества высказываний). Многие педагоги отмечали: *«мне казалось, что все забывается»*, *«тетради на проверку домой перестала брать»*, *«мне не удастся понять нужно ли мне это»*, *«стала меньше реагировать на требования родителей»*, *«теперь силой воли заставляю себя идти, профессиональные обязанности выполняю по привычке, автоматически»*, *«смысл стал – уберечь своего ребенка от того, что сейчас в детских садах...»*, *«очень разочаровала система образования»*, *«я стала по-другому смотреть на свою деятельность»* и др.

Для многих педагогов переживание профессионального кризиса сопровождается рефлексией содержания профессиональной

деятельности (18% ответов от общего количества высказываний), затем актуализируется рефлексия внутреннего мира (13% ответов от общего количества высказываний) и социального окружения (13% ответов от общего количества высказываний).

Полученные результаты подтвердили наше предположение о том, что феноменологический метод может быть использован для изучения содержания переживания педагогами профессионального кризиса личности.

Вместе с тем феноменология может выступить и как основа проектирования программ психолого-педагогического сопровождения переживания педагогами профессионального кризиса личности

Феноменология как основа психолого-педагогического сопровождения

Как отмечает А.М. Улановский, основная задача феноменологии заключалась в интуитивном, непредубежденном, доскональном, дескриптивном, аналитическом установлении различий и приведении к ясности феноменов сознательной жизни и переживания [9]. Именно с опорой на феноменологию был разработан оригинальный психотерапевтический подход Ю. Джендлина, который заключается в особой форме концентрации, самопогружении и максимально проницательной артикуляции собственных переживаний [4]. В процессе применения метода фокусирования психотерапевт обращает человека к ощущаемому смыслу волнующего события и помогает ему найти наиболее подходящий образ, слово или выражение, что обычно приводит к чувству облегчения у клиента. Феноменология должна помочь психиатру понять, вжиться, всмотреться в структуру и способы бытия-в-мире больного человека, представленные в его мировидении [1].

Поскольку важным предиктором продуктивного профессионального развития является осознание смысла и значимости своей деятельности, самоопределение в ней, то утрата смысла неизбежно приводит к ситуации профессионального кризиса. Как уже отмечалось выше профессиональный кризис личности это длительное

неравновесное состояние субъекта труда, вызванное рассогласованием ценностно-смысловой сферы личности и актуализирующее процесс переживания. Переживание, в свою очередь, представляет собой внутреннюю работу по восстановлению душевного равновесия и устранению рассогласования между сознанием и бытием и характеризует уникальность внутреннего мира личности, ее сознания и всей жизни в целом. Соответственно, успешное сопровождение профессионального развития личности возможно, если психолог имеет представление о том внутреннем образе профессиональной реальности, который есть у профессионала. Принятие этого внутреннего мира, признание его уникальности и очевидности и проектирование на этой основе помогающей деятельности возможно в случае использования феноменологии.

Феноменология выступает одним из методологических подходов к проектированию и реализации программы психолого-педагогического сопровождения переживания педагогами профессионального кризиса личности. Цель психолого-педагогического сопровождения переживания профессионального кризиса личности — актуализация профессионально-психологического потенциала субъекта деятельности для конструктивного разрешения профессионального кризиса личности. В свете этого обозначим основные векторы реализации феноменологического подхода в психолого-педагогическом сопровождении переживания педагогами профессионального кризиса личности:

1. Поскольку переживание это центральный феномен профессионального кризиса личности, то для работы с переживанием важна его вербализация, описание его в конкретных категориях. Феноменологический подход (как уже отмечалось выше) предполагает описание респондентом (в нашем случае педагогом) своих переживаний в конкретных словах, фразах, метафорах.

2. Последовательное прояснение, раскрытие и чуткое описание переживание – суть феноменологии. При этом основная задача феноменологии – «запуск» процесса изменения переживания. В процессе психолого-педагогического сопровождения педагог концентрирует свое внимание на процессе переживания профессионального кри-

зиса личности, на то, что он чувствует, каким видит смысл своей профессиональной деятельности. В процессе этой внешней и внутренней работы происходит поиск ресурсов для преодоления профессионального кризиса личности.

3. В ходе описания содержания переживания «запускаются» процессы рефлексии (проведенное феноменологическое исследование подтверждает это), которые обеспечивают прояснение всей ситуации профессионального развития, нахождение новой профессиональной перспективы, поиск ресурсов для прохождения ситуации кризиса.

Таким образом, в контексте реализации процесса сопровождения переживания педагогами профессионального кризиса личности, феноменологии обладает хорошим исследовательским и помогающим ресурсом. Посредством феноменологического анализа возможно не только прояснить сами переживания педагога, но и актуализировать процессы рефлексии и поиска ресурсов для разрешения кризиса.

Заключение

Итак, на основании теоретико-эмпирического исследования мы можем сформулировать следующие выводы:

1. Категория «кризис» и «переживание» представляет интерес, как для зарубежных, так и для отечественных психологов. При этом именно в отечественной психологии исследователи обращаются к изучению кризисов в контексте профессионализации личности. Вместе с тем, исследований категорий «профессиональный кризис личности» и «переживание профессионального кризиса личности» в настоящее время нет. Под профессиональным кризисом личности мы понимаем – длительное неравновесное состояние субъекта труда, вызванное рассогласованием ценностно-смысловой сферы личности и актуализирующее процесс переживания, которое в свою очередь нацелено на устранение этого рассогласования.

2. На основании работ, раскрывающих сущность феноменологии, мы предположили, что для исследования содержания переживания педагогами профессионального кризиса личности целесообразно использовать феноменологический метод. Анализ ответов педаго-

гов на вопросы полуструктурированного феноменологического интервью подтвердили данное предположение и позволили описать содержание переживания.

3. Поскольку феноменология получила свое широкое распространение и как психотерапевтический метод в работе с переживаниями, мы предложили рассматривать феноменологию и как основу психолого-педагогического сопровождения переживания педагогами профессионального кризиса личности. Это позволит не только раскрыть содержание переживания, но и актуализировать в сознании педагогов процессы рефлексии собственных ресурсов, процессы смыслообразования.

Полученные результаты и выводы не носят законченного характера. исследование будет продолжено в направлении реализации программы психолого-педагогического сопровождения переживания педагогами профессионального кризиса личности и оценке ее эффективности.

Информация о конфликте интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук), в рамках научно-исследовательского проекта «Психологические механизмы переживания педагогами профессионального кризиса личности», проект №16-36-01031.

Список литературы

1. Бинсвангер Л. Феноменология и психопатология // Логос. 1992. №3. С. 125–136.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). Москва: МГУ, 1984. 200 с.
3. Выготский Л.С. Биогенетический подход в психологии и педагогике // Хрестоматия по возрастной психологии / Под ред О.А. Карабановой, А.И. Подольского, Г.В.Бурменской. М.: МГУ 1999. 315 с.

4. Джендлин Ю. Фокусирование. Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями. М.: Класс, 2000. 293 с.
5. Прохоров А.О. Теоретические и методологические аспекты проблемы неравновесных психических состояний // Прохоров А.О. (ред.). Психология состояний. Москва: ПЕР СЭ; Санкт-Петербург: Речь, 2004. 608 с.
6. Садовникова Н.О. Переживание как деятельность по разрешению профессионального кризиса личности // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–6. С. 1328–1332; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37030> (дата обращения: 01.02.2018).
7. Садовникова Н. О., Сергеева Т.Б. Смысложизненные ориентации педагогов в ситуации профессионального кризиса личности // *Научный диалог*. 2016. № 9 (57). С. 297–310.
8. Садовникова Н.О. Ценностно-смысловые особенности ненормативного кризиса профессиональной карьеры // *Образование и наука*. 2009. № 6 (2). С. 89–97.
9. Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. Москва: Смысл, 2012. 255 с.
10. Caplan, G. *Principles of preventive psychiatry*. New York, London: Basis Books. 1964. 304 p.
11. Fillip S.-H. & Aymanns P. *Kritische Lebensereignisse und Lebenskrisen. Vom Umgang mit den Schattenseiten des Lebens*. Stuttgart: Kohlhammer. 2010. 448 p.
12. Lindemann E. *Symptomatology and management of acute grief* // *American Journal of Psychiatry*. 101 (1944), 141–148. Режим доступа: <http://www.nyu.edu/classes/gmoran/LINDEMANN.pdf>. (дата обращения 13.07.2016).
13. Sadovnikova N.O., Sergeeva T.B., Suraeva M.O., Kuzmina O.Y. *Phenomenological Analysis of Professional Identity Crisis Experience by Teachers* // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. № 11 (14), pp. 6898–6912.
14. Ulich D., Hausser K., Mayring Ph., Strehmel P., Kandler M., Degenhardt B. *Psychologie der Krisenbewaeltigung eine Laengsschnittuntersuchung mit arbeitslosen Lehrern*. Weinheim: Beltz, 1985. 244 p.

15. Varela F.J., Shear J. First-person accounts: why, what, and how. The view from within: First-person approaches to the study of consciousness // *Journal of Consciousness Studies*, 6, No. 2–3, 1999, pp. 1–14. Режим доступа: http://www.imprint.co.uk/pdf/VFW_introduc.pdf (дата обращения 13.07.2016).

References

1. Binsvanger L. *Logos*. 1992. №3, pp. 125–136.
2. Vasilyuk F.E. *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)* [Psychology of experience (analysis of the overcoming of critical situations)]. Moscow: MGU, 1984. 200 p.
3. Vygotskiy L.S. *Khrestomatiya po vozrastnoy psikhologii* [Reader on the basis of age psychology]. Ed O.A. Karabanova, A.I. Podol'sky, G.V. Burmenskaya. M.: MGU 1999. 315 s.
4. Dzhendlin Yu. *Fokusirovanie. Novyy psikhoterapevticheskiy metod raboty s perezhivaniyami* [Focusing. A new psychotherapeutic method of working with experiences]. M.: Klass, 2000. 293 p.
5. Prokhorov A.O. (ed.). *Psikhologiya sostoyaniy* [Psychology of states]. Moscow: PER SE; St. Petersburg: Rech', 2004. 608 p.
6. Sadovnikova N.O. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2015. № 2–6, pp. 1328–1332; <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37030>
7. Sadovnikova N. O., Sergeeva T.B. *Nauchnyy dialog*. 2016. № 9 (57), pp. 297–310.
8. Sadovnikova N.O. *Obrazovanie i nauka*. 2009. № 6 (2), pp. 89–97.
9. Ulanovskiy A.M. *Fenomenologicheskaya psikhologiya: kachestvennyye issledovaniya i rabota s perezhivaniem* [Phenomenological psychology: qualitative research and work with experience]. Moscow: Smysl, 2012. 255 p.
10. Caplan G. *Principles of preventive psychiatry*. New York, London: Basis Books. 1964. 304 p.
11. Fillip S.-H. & Aymanns P. *Kritische Lebensereignisse und Lebenskrisen. Vom Umgang mit den Schattenseiten des Lebens*. Stuttgart: Kohlhammer. 2010. 448 p.
12. Lindemann E. Symptomatology and management of acute grief. *American Journal of Psychiatry*. 101 (1944), 141–148. Режим доступа: <http://>

www.nyu.edu/classes/gmoran/LINDEMANN.pdf. (data obrashcheniya 13.07.2016).

13. Sadovnikova N.O., Sergeeva T.B., Suraeva M.O., Kuzmina O.Y. Phenomenological Analysis of Professional Identity Crisis Experience by Teachers. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. № 11 (14), pp. 6898–6912.
14. Ulich D., Hausser K., Mayring Ph., Strehmel P., Kandler M., Degenhardt B. Psychologie der Krisenbewältigung eine Laengsschnittuntersuchung mit arbeitslosen Lehrern. Weinheim: Beltz, 1985. 244 p.
15. Varela F. J., Shear J. First-person accounts: why, what, and how. The view from within: First-person approaches to the study of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 6, No. 2–3, 1999, pp. 1–14. http://www.imprint.co.uk/pdf/VFW_introduc.pdf

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Садовникова Надежда Олеговна, заведующая кафедрой профессиональной педагогики и психологии, кандидат психологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
ул. Машиностроителей, 11, г. Екатеринбург, 620012, Российская Федерация
nosadovnikova@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sadovnikova Nadezhda Olegovna, Head of Department, Department of Professional pedagogy and Psychology, PhD in Psychology, Associate Professor
Russian State Vocational Pedagogical University
11, Mashinostroitelej Str., Yekaterinburg, 620012, Russian Federation
nosadovnikova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8738-3996
Scopus Author ID: 57191169642

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://ej.soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области психологии и педагогики, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://ej.soc-journal.ru/en/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of psychology and pedagogy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

- 1. Introduction.**
- 2. Objective.**
- 3. Materials and methods.**
- 4. Results of the research and Discussion.**
- 5. Conclusion.**
- 6. Conflict of interest information.**
- 7. Sponsorship information.**
- 8. Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА СПЕЦИАЛИСТА СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ США Жданова С.Ю., Полякова С.В., Печеркина А.В., Пузырёва Л.О.	5
ОСОБЕННОСТИ СУПРУЖЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЬЯХ Валиуллина Г.Г., Тимашева Л.В.	19
ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ К СОВРЕМЕННЫМ ЦИФРОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ ПОСРЕДСТВОМ ЗООМЕТАФОР Жеребненко О.А., Кузнецова Л.Б., Москаленко С.В., Балыков В.В.	37
ПРОГРАММА СОПРОВОЖДЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ИНТЕЛЛЕКТА Кисляков П.А., Удодов А.Г., Дубровинская Е.И., Карташев В.П.	55
ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬЮ И ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ СТУДЕНТОВ Корягина Т.М.	70
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕЗАДАПТИРОВАННЫХ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ АДДИКЦИИ Мурашкин М.М.	84

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДИТЕЛЬСТВЕ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ Мухгарова А.Х.	94
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ СУБЪЕКТА С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ Пономарева И.В., Климова М.О., Сизова Я.Н.	105
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПЕДАГОГАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА ЛИЧНОСТИ Садовникова Н.О.	128
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	142

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL STUDIES

DEVELOPING POSITIVE IMAGE OF HEALTHCARE PROFESSIONALS IN THE U.S. SOCIAL MEDIA DISCOURSE Zhdanova S.Yu., Polyakova S.V., Pecherkina A.V., Puzureva L.O.	5
PECULIARITIES OF SPOUSE CONFLICTS IN CROSS-ETHNIC FAMILIES Valiullina G.G., Timasheva L.V.	19
THE RESEARCH OF THE ATTITUDE OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS TO MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES BY MEANS OF ZOOMETAPHORS Zherebnenko O.A., Kuznetsova L.B., Moskalenko S.V., Balykov V.V.	37
THE PROGRAM SUPPORT SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL SAFETY OF CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITIES Kislyakov P.A., Udodov A.G., Dubrovinskaya E.I., Kartashev V.P.	55
THE RELATIONSHIP BETWEEN INTERNET ADDICTION AND STUDENTS' PERSONALITY CHARACTERISTICS Koryagina T.M.	70
PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF DENADAPTED FOREIGN STUDENTS WITH MANIFESTATIONS OF ADDICTION Murashkin M.M.	84
IMAGES OF PARENTHOOD OF YOUNG MEN AND WOMEN Mukhtarova A.Kh.	94

THEORETICAL RESEARCH OF THE REGULATIVE FUNCTION OF A SUBJECT WITH PERSONAL HELPLESSNESS Ponomareva I.V., Klimova M.O., Sizova Y.N.	105
PHENOMENOLOGY AS THE BASIS OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF EXPERIENCE OF PROFESSIONAL CRISIS OF PERSONALITY BY TEACHERS Sadovnikova N.O.	128
RULES FOR AUTHORS	142

ДОСТУП К ЖУРНАЛУ

Доступ ко всем номерам журнала – постоянный, свободный и бесплатный.
Каждый номер содержится в едином файле PDF.

OPEN ACCESS POLICY

All issues of the Russian Journal of Education and Psychology are always
open and free access.
Each entire issue is downloadable as a single PDF file.

<http://ej.soc-journal.ru/>

Подписано в печать 01.03.2018. Дата выхода в свет 05.03.2018. Формат
60x84/16. Усл. печ. л. 10,68. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP92/018.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство
«Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27
стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.